

Michelle de
Ville

Он купил мою судьбу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Michelle Ville

Он купил мою судьбу

<https://litres.ru/73929124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он купил мою судьбу.

Мелисса Лисовская — дочь влиятельного криминального авторитета. Семи лет она убила человека. С тринадцати — не плакала. К двадцати — стала идеальным оружием. Холодным, пустым, смертельным. Её отец продаёт её за порты и контракты Тимуру Левицкому — опасному хищнику с разноцветными глазами, который привык брать всё, что хочет.

Он думал, что покупает игрушку. Она думала, что сможет сломать его быстрее, чем он — её. Вместо этого они разбились друг друга и собрали заново. Их отношения — не любовь. Это война, в которой никто не сдаётся. Это одержимость, которая становится единственной правдой. Это ножи, кровь и безумие, из которых рождается нежность.

Но когда прошлое возвращается в лице отца, Мелисса понимает: чтобы стать живой, нужно убить того, кто создал её пустой.

Жестокая, тёмная, пронзительная история о том, как любовь не лечит — она даёт силы не умереть в одиночестве.

Для тех, кто верит, что даже самые сломанные души могут согреться друг о друга.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	54
Глава 4	105
Глава 5	159
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Michelle de Ville

Он купил мою судьбу

Глава 1

Он купил мою судьбу.

Эту историю я посвящаю тем, кто давно перестал верить в любовь, но в один момент на их пути появился тот, кого ты должен ненавидеть. Например, холодный разноглазый парень. Или рыжеволосая лиса с изумрудным взглядом.

****Пролог.****

Моя история началась с того, что мы со старшим братом воспитывались в необычной семье. Наш отец был одним из влиятельнейших людей в городе. Он внушал ужас и страх. Одним взглядом мог вершить судьбы людей, впрочем, как и наши с Русланом. Отец всегда был одинаковым со всеми: как со своими подчиненными, так и со своей семьёй.

В нашей чокнутой семейке не было спокойствия — была

только дисциплина и жёсткие тренировки. Было даже золотое правило: как только ребёнок в семье достигал возраста семи лет, он брал в руки своё первое оружие. Не важно, что именно это будет — автомат, пистолет или же простой нож, — но как только тебе исполнялось семь, тебя начинали превращать в оружие. Это коснулось и нас с братом.

Руслану исполнилось семь, когда мне было всего два года, поэтому я и не помнила, что было в тот день. Но брат — единственный человек, который хотел другой жизни для меня

Я знала, что будет ждать меня в мой седьмой день рождения, но мне не хотелось этого.

Я стояла перед зеркалом не как обычная девочка-именинница. На мне не было праздничного платья или диадемы на голове. На мне был чёрный спортивный комбинезон, рыжие волосы были собраны в хвост, а глаза изумрудного цвета, как у отца, потеряли всякий детский блеск. В руке был маленький клинок, испачканный чужой кровью.

И вот я смотрю в зеркало Руки окровавлены, на костюме порез в районе ключицы, и из него тоже просачивается кровь, а во взгляде — пустота. В этот день произошло слишком много для семилетней девочки.

В комнату входит Руслан в точно таком же комбинезоне, но только с автоматом, висящим на груди. Его светлые волосы и глаза голубые, как у мамы, только вот они открыты, в отличие от её.

В мой седьмой день рождения умерли трое: наша мать, тот, кого убила я, и часть моей человечности. И во всём этом был виноват только один человек — Демид Лисовский, мой отец.

****Глава 1.****

****Мелисса.****

Сегодня было самое отвратительное утро в этом году. За окном сыпал лёгкий пушистый снег. На соседских домах висели гирлянды и новогодние украшения; возможно, и внутри у них была праздничная атмосфера, но не в нашем доме.

На календаре двадцатое декабря, и сегодня снова мой день рождения, только вот уже двадцатый. А у мамы — тринадцатая годовщина смерти.

Проснувшись, как всегда, в пять утра, я провела всю свою

рутину, привела себя в порядок, надела простые чёрные джинсы и свитер, волосы собрала в небрежный пучок и спустилась на первый этаж как раз к завтраку. За столом уже сидел Руслан со своей невестой Лизой.

Как только я вошла в столовую, брат сдержанно улыбнулся для приветствия, а Лиза лишь грустно взглянула на меня. Я просто кивнула им в знак приветствия и села за стол по левую сторону от главы семейства, который всё ещё не явился.

Лиза была старше меня всего на пару лет, да и замуж она выходила не по своей воле. Её отец вместе с нашим заключили договор, где дети были лишь пешками на шахматной доске этой игры.

Спустя пару минут в столовую тяжёлыми шагами вошёл и сам Демид Лисовский. На нём, как всегда, был идеально выглаженный костюм-тройка, а изумрудные глаза бросали на нас ледяные взгляды, пока он подходил к своему «трону» во главе стола.

— Доброе утро, — сдержанно и без капли эмоций сказал он, усаживаясь на стул.

Мы трое не сказали ни слова, а просто кивнули на его приветствие.

Как только он сел, прислуга начала накрывать на стол завтрак. Блюда появлялись одно за другим: яйца, тосты, блины, оладьи и кофе с чаем. Когда стол полностью был накрыт, мы молча пожелали друг другу приятного аппетита и принялись за трапезу, а в воздухе витало напряжение фальшивого семейного счастья.

Взяв чашку со своим кофе, я сделала всего несколько глотков и почувствовала на себе пронзительный взгляд отца. Поставив чашку обратно на блюдце, я повернула голову, встречаясь с ним взглядом.

— Мелисса, сегодня вечером будет вечер по случаю твоего первого настоящего юбилея, и я тебя прошу выглядеть прилично, а не вот так, — сухо произнёс он, окинув мою одежду презрительным взглядом.

В этом весь он: не поздравил, но приказ отдал.

— Да, отец, — всё так же глядя в его глаза, я ответила тем же тоном, что и он.

Он ответил коротким кивком и продолжил есть свою порцию. Руслан с Лизой тоже завтракали молча, и только я отказалась от еды, пив свой кофе.

Сегодня я планировала провести день на могиле матери, а никак не праздновать свой день рождения. Но, как правило, приказы отца возражению не подлежат.

Допив свой кофе, я поднялась со своего места, кивнула отцу и покинула столовую, направляясь в прихожую, чтобы смыться из этого дома на пару часов. Но в прихожей, как по заказу, возникла широкая фигура отца.

— Куда ты собралась? — спросил он, скрестив руки на груди.

— На кладбище, — спокойно ответила я ему, уже надевая ботинки.

— Чтобы к трём была дома, — снова сухо бросил он и удалился в глубь дома.

Еле сдержавшись, чтобы не сказать ему какую-то гадость, я взяла ключи от машины и вышла во двор, направляясь к гаражу. По пути встретила пару охранников, которые желали мне доброго утра и закидывали вопросами «не сопроводить ли меня». Добравшись до гаража, я села в чёрный BMW, любезно подаренный отцом, и, прогрев мотор, выехала с территории особняка.

Спустя полчаса я уже стояла на могиле матери с букетом белых роз в руках, а в середине была алая. Я не плакала. Не говорила вслух. Просто стояла с цветами и молчала, прося у неё прощения за то, что я жива, а она лежит под землёй, оставшись навечно в том дне, в луже собственной крови, на белом покрывале снега.

Положив цветы на могилку, я присела на корточки и впервые закурила тонкую сигарету именно тут. Я не знала наверняка, осуждает ли она меня или понимает, но будь она жива — сейчас не позволила бы мне сделать это.

Сигаретный дым клубился в воздухе маленькими облаками, а затем рассеивался.

Прошло около часа, как я сидела неподвижно. За это время так и не проронила ни слова, ни слезы. Просто сидела, переживая тот день снова и снова, обвиняя себя. А потом просто встала, так же молча попрощалась с ней и направилась обратно к машине.

Домой я приехала к тем часам, как и должна была. Поставив машину на место, пересекла двор и вошла снова в ненавистный мне дом, где уже суежилась прислуга, готовясь к празднику. Но я знала, что этот праздник устроен не ра-

ди меня, а для того, чтобы отец смог встретиться со своими «партнёрами». Волновало ли меня это? Нет. Меня совершенно не волновало это. Я планировала просто постоять в углу вместе с братом и его невестой.

Поднявшись к себе, я приняла горячий душ, смывая с себя утреннее напряжение. А выйдя из ванной, заметила, что на постели лежит чехол с платьем внутри. Расстегнув молнию чехла, я увидела длинное вечернее платье бежевого цвета. Явно отец прислал. Закрыв чехол обратно, я повесила платье в шкаф и достала другое — своё.

Подготовка шла монотонно. Я нанесла лёгкий макияж, высушила волосы и собрала их в пучок, выпустив пряди, надела то самое своё платье. Оно было длиною в пол, на бретельках, с открытой спиной и разрезом от середины бедра.

Время уже приближалось к пяти вечера. Скоро начнут приходить «гости». Я надела на ноги удобные туфли на каблучке и уже собиралась выходить, как в дверь моей комнаты постучали. Три коротких удара о дерево.

— Заходи — пробормотала я, зная, что за дверью стоит Руслан.

— Мели — он вошёл в комнату и, скользнув по мне взгля-

дом, оборвался на полуслове. — Ты прекрасно выглядишь. — Он говорил искренне, с восхищением.

— Ты тоже красавчик! — я улыbnулась впервые за день, глядя на то, как ему идёт костюм.

— С днём рождения, сестрёнка — отойдя от шока, он наконец вспомнил, зачем пришёл ко мне, и протянул маленькую бархатную коробочку.

— Что там?

— Открой. — Он замер в ожидании, скрестив руки на груди.

Я хмыкнула и тут же открыла коробочку. Мои глаза засияли. Внутри лежал серебряный браслет в виде виноградной лозы с гравировкой *М.И.Р.* и сегодняшней датой, что означало: Мелисса. Ирина. Руслан.

— Рус — я посмотрела на брата, переполняемая редкими эмоциями.

Руслан ничего не сказал. Просто подошёл, застегнул браслет на моём запястье и, как в детстве, поцеловал в макушку. А потом просто ушёл.

Я взяла себя в руки после его ухода и вышла следом буквально через пару минут. Спустилась по лестнице вниз, накинула на плечи тёплую накидку и вышла из особняка, направляясь в специально отведённый домик на территории для подобных мероприятий.

Войдя внутрь, где ещё никого, кроме отца, брата и Лизы, не было, я тут же столкнулась с отцом. Он окинул меня взглядом, и резко спокойствие на его лице сменилось раздражением из-за того, что я надела другое платье.

— Мелисса, — позвал он меня, сдерживая злость.

Сняв с себя накидку, я подошла к нему уверенной походкой и высоко поднятой головой.

— Да, отец? — я говорила без страха и паники.

— Почему ты в этом платье? Где то, что я прислал тебе? — Он прилагал много усилий, чтобы не сорваться прямо сейчас.

— Оно мне не понравилось, — пожав плечами, я не отводила взгляд.

Отец что-то фыркнул, отвернулся от меня, схватил бокал шампанского и осушил его залпом. А затем, схватив меня за локоть, повёл ко входу — встречать прибывающих гостей.

Первые гости появились буквально в первые пять минут. Расплываясь в поздравлениях и фальшивых комплиментах. Я же стояла с такой же фальшивой улыбкой.

Люди без конца заходили в дом. Поздравляли, дарили подарки и проходили к столам. На фоне играла лёгкая музыка, но и её уже начали перебивать голоса прибывших.

Спустя примерно час зал заполнился людьми. Всех их я видела хоть раз в своей жизни. И вот наконец двери открываются для последнего гостя.

В дом входит молодой мужчина, не старше тридцати. Высокий, темноволосый, достаточно мускулистый. На нём была простая белая рубашка с двумя расстёгнутыми пуговицами, чёрные брюки и пиджак. Но сильнее меня зацепили его глаза. Они были разными: один голубой, а второй карий.

— Добрый вечер, Демид Дмитриевич, — он пожал руку отцу в знак приветствия, но голос его тоже отражал лишь холод и пустоту, а затем он обратил внимание на меня. Прощёлся взглядом по моему платью, задерживая его в некото-

рых местах. — Здравствуй, Мелисса. Я Тимур, партнёр твоего отца. С днём рождения тебя! — Он ухмыльнулся и, взяв мою руку, оставил лёгкий поцелуй на тыльной стороне ладони.

Поблагодарив его, я кивнула и направилась в зал, где уже все собрались. Отец с Тимуром шли позади, и я чувствовала на своей спине обжигающий взгляд. Не знаю чей, но это мне не нравилось.

Отыскав в толпе Руслана и Лизу, я направилась напрямиком к их столику и, подойдя, осушила бокал вина, что стоял на столе.

— Мели? — брат вскинул бровь, не понимая, что происходит, ведь я редко пила.

— Без комментариев, — ответила я через пару секунд, приходя в себя.

Руслан нахмурился, а Лиза смотрела на нас, переводя взгляд то на него, то на меня, но так ничего и не сказала.

Вечер шёл своим ходом. Кто-то подходил к нашему столику, отвечивая комплименты мне и Лизе, а затем общался с братом о делах; некоторые разговаривали с отцом и тем са-

мым Тимуром. Я же просто стояла, принимая поздравления и наигранно улыбаясь. Мне не нравились ни люди, ни атмосфера, ни даже платье, которое я надела. Взгляды некоторых мужчин скользили по моему телу, будто раздевая меня глазами, а в них читалась грязная похоть.

Через пару часов кто-то из присутствующих уже напился, а кто-то разговаривал о делах. Впрочем, так всегда было на подобных приёмах. Но вдруг все разговоры стихли, а взгляды устремились к центру зала, где стоял отец с микрофоном в руках, а рядом Тимур.

— Дорогие гости, уважаемые коллеги, прекрасные друзья и моя единственная семья! — начал отец, когда всё внимание было устремлено на него. — В этот вечер я собрал вас не просто так. Сегодня первый юбилей у моей любимой дочери Мелиссы. — Он говорил с наигранной теплотой и нежностью в голосе, глядя прямо на меня, приказывая подойти к нему, что я и сделала. Подошла с той же наигранной улыбкой и встала справа от него. Он продолжил: — Но и это не единственный повод. Как вы все знаете, в наших кругах принято, чтобы для своей дочери именно отец искал мужа.

Моё сердце пропустило удар от его слов, а толпа гостей смотрела на него с пониманием.

— Так вот, сегодня я хочу объявить вам о предстоящей помолвке Мелиссы и её будущего жениха и мужа — Тимура Левицкого! — радостно объявил отец.

А Тимур не по-доброму усмехнулся.

Глава 2

****Глава 2.****

****Мелисса.****

После слов отец я потеряла дар речи. Снова не могла вымолвить ни слова. Лицо будто парализовало. Вежливая, фальшивая улыбка всё ещё была на губах, но глаза потухли. В них снова не было жизни. Так же, как и тринадцать лет назад. Я хотела кричать, плакать или крушить всё в этом чёртовом зале... но эмоции будто отключились.

В толпе гостей слышался шёпот, а после и слова поздравлений, но мне было совсем не до них. Я перевела взгляд не на отца и даже не на брата — на Тимура.

Тот стоял с довольной ухмылкой и опасным блеском в своих разных глазах. Ему явно нравилась идея женитьбы. Но один вопрос в моей голове оставался без ответа: зачем отцу отдавать своё оружие?

Продолжение вечера было как в тумане. Теперь я стояла за столом в компании отца и своего будущего «мужа». Гости подходили и снова поздравляли. Тимур стоял совсем рядом, и если при первой встрече в начале вечера я относилась к

нему никак, то сейчас внутри горело раздражение и отвращение. К нему. К его близости. И к попыткам прикоснуться ко мне.

Ближе к завершению этого дня отец уже отошёл к оставшимся гостям, чтобы наконец обсудить «важные» дела. Я воспользовалась моментом и, выскользнув из зала, пулей полетела в уборную.

Тишина в туалетной комнате была звенящей. Стоя перед зеркалом, я ополаскивала лицо ледяной водой, но и это не помогало успокоиться. Грудь тяжело вздымалась, а глаза, что были как два ярких изумруда, наливались кровью и яростью. Пальцы рук дрожали от гнева, а в голове — тысяча вопросов, ответы на которые я никогда не найду.

Мои мысли и тишину нарушил звук открывающейся двери. Я не обернулась, но почувствовала холодный взгляд на своей спине и, посмотрев в зеркало, увидела его.

Тимур стоял позади меня на расстоянии пары шагов. Взгляд скользил по моему отражению, задерживаясь на глазах и грудной клетке, что всё ещё тяжело вздымалась. И вдруг он сокращает расстояние в один шаг, оказавшись плотно прижатым своей грудью к моей спине.

— Ты заставила меня волноваться, маленькая лисичка, — прошептал он, склонившись к моему уху, обжигая его своим горячим дыханием со смесью табака и дорогого алкоголя. — Разве ты не должна была предупредить своего будущего мужа, что ты отойдёшь? — Он продолжал говорить тихо, опасно и холодно, заправив влажную от воды прядку волос мне за ухо.

Я подняла взгляд, встречаясь с его в отражении зеркала. Мы стояли слишком близко, чтобы почувствовать тепло тел, но вот глаза у обоих были как у хищников, готовых напасть в любую секунду.

— Что тебе нужно от меня? — мой голос звучал хрипло от долгого молчания, но не дрожал. — Что ты предложил моему отцу, чтобы он выдал меня замуж?

— Умная лисичка... — он снова хищно усмехнулся. — Скажем так... я дал ему то, что он жаждал слишком давно. — Он резко положил руки на мою талию и, развернув к себе, я упёрлась задницей в мраморную столешницу. — Мне слишком дорого обошлась моя новая игрушка, и я планирую ломать её каждый чёртов день...

— Боюсь разочаровать тебя, разноглазый... — я тоже хищно усмехнулась. — Но я уже сломана.

— Ну и ну... — прошипел он. — Совсем без эмоций? — Он схватил меня за талию, впиваясь пальцами в ткань моего платья. — Тебе вообще не страшно?! Я могу сделать с тобой всё что угодно! Или ты думаешь, я шучу?! — Его голос был похож на разъярённый рык раненого зверя.

— Давай! Посмотрим, что же ты сделаешь! — прошипела я в злости.

Тимур смотрел прямо в мои глаза, которые не отражали страха перед ним, а голос не дрожал в ответ на его угрозы. Его лицо исказилось от ярости. Он не ожидал такого вызова — особенно от такой крохотной девчонки. Его пальцы впелись ещё сильнее в мою талию, так что там точно останутся синяки.

— Ох... ты попалась! — прошипел он сквозь зубы. — Хочешь посмотреть? Я покажу...

Его правая рука резко схватила меня за подбородок, и он грубо прижал свои губы к моим. Поцелуй был жестоким — без нежности, только агрессия и доминирование. Я не отстранилась, а напротив, ответила на его агрессию своей. Тимур зарычал в мои губы — низко, по-звериному, на что я прикусила его нижнюю губу. Он ахнул от неожиданности.

На секунду отстранился, чтобы заглянуть в мои глаза. В его взгляде мелькнуло что-то дикое: шок, возбуждение... и снова ярость, но уже не та ледяная, что была несколько минут назад.

— Ах ты маленькая дьяволица... — прохрипел он.

В ответ на мой укус он ответил другим: сильнее впился зубами в мою губу, так что я почувствовала знакомый металлический привкус крови, и отстранился.

— Ты знаешь, я могу сделать так, чтобы ты боялась. У меня есть тысячи способов сломать человека!

— Так сделай же... Чего ты ждёшь?

На его лице появляется дикая, почти животная ухмылка. Быстрым движением достаёт маленький клинок и подносит к моей щеке:

— О-о... — широко улыбаясь. — Ну, раз ты так просишь...

Лезвие слегка царапает кожу, оставляя тонкую красную полосу.

— Как тебе? — спрашивает с мрачным любопытством в голосе. — Больно? Или ещё не хватает? — Его глаза горят безумным возбуждением от такой наглой жертвы. Мои, впрочем, тоже.

Я же не собиралась сдаваться в лапы его безумия, так как была охвачена своим. Напротив, я провела большим пальцем руки по своей щеке, собирая капельки крови, а затем, поднеся его к губам этого наглого ублюдка, размазала кровь на его нижней губе.

Клинок всё ещё у его бедра, я прижата к мраморной столешнице, между нами — пара сантиметров ненависти и напряжения.

Тимур замер.

На секунду — совсем короткую — в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Но только на секунду. А потом его зрачки расширились, дыхание стало глубже, и он медленно, очень медленно провёл языком по собственной нижней губе — слизывая кровь, которую я же сама туда нанесла.

— Ах ты... — выдохнул он почти беззвучно.

И сорвался.

Он не говорил больше ни слова. Он просто двинулся. Подхватил меня за бёдра и одним движением вздёрнул на столешницу так резко, что мраморный край впился в заднюю поверхность бёдер. Посуда — ваза с искусственными орхидеями, мыльница, медная подставка — полетели на пол с оглушительным грохотом.

Я не успела даже вскрикнуть.

Клинок звякнул где-то сбоку — он выронил его или отбросил специально, не важно. Важно, что он вжался в меня всем телом, раздвинул мои колени, чтобы встать между ними, и вцепился пальцами в мои волосы на затылке — жёстко, до боли у корней.

— Ты хотела посмотреть, что я сделаю? — прорычал он прямо в лицо. — Смотри.

Я ударила.

Не раздумывая. Не вставая. Ладонью по его скуле — так, что голова мотнулась в сторону. Он не отпустил. Только усмехнулся, поворачиваясь обратно, и в его глазах уже не было ничего человеческого — только голод, злость и какое-то дикое, болезненное восхищение.

— Сильно, — прохрипел он. — Ещё.

Я ударила снова. Той же рукой, тем же местом. На этот раз он перехватил моё запястье на середине — сжал так, что кости хрустнули.

— Я не договорил, — сказал он тихо, наклоняясь к моей шее.

И укусил.

Не поцеловал — именно укусил. Там, где шея переходит в плечо, там, где бьётся самая тонкая кожа. Зубами, в полную силу, пока я не выгнулась дугой от резкой вспышки боли.

Но вместо крика из меня вырвался смех.

Тихий. Хриплый. Почти безумный.

— Слабак, — прошептала я, чувствуя, как кровь течёт по ключице. — Этим ты хотел меня сломать?

Он отстранился на несколько сантиметров. На его губах — моя кровь. В глазах — короткое замешательство.

А я воспользовалась этим.

Резко дёрнула ногой, целясь ему в пах. Не до конца — он успел перехватить бедром, но равновесие потерял. Пошатнулся. И я толкнула его в грудь обеими руками, скидывая с себя.

Тимур не упал. Он отступил на полшага — один-единственный — и замер, тяжело дыша, с расстёгнутым воротом рубашки, со следами крови на лице.

Я сползла со столешницы. Босиком (туфли слетели ещё тогда, когда он вздёргивал меня) по холодному кафелю. Волосы рассыпались. На губе саднит укус, на щеке — царапина от клинка, на шее — свежий след зубов.

Мы стояли друг напротив друга как два зверя в одной клетке.

— Ну же, — сказала я, разводя руки в стороны — медленно, насмешливо, провокационно. — Ты говорил, что можешь сделать всё что угодно. Я всё ещё жду.

Он смотрел на меня. Долго. Так, что тишина между нами стала тяжёлой, почти осязаемой. Его грудь тяжело вздымалась, на скуле алел след от моей пощёчины, на губе — моя

кровь, перемешанная с его собственной.

Я ждала. Внутри всё горело, но тело не дрожало. Я была готова к чему угодно — к новому удару, к ещё одному укусу, к тому, что он снова схватит меня за волосы или достанет второй клинок.

Но Тимур вдруг усмехнулся.

Не той хищной, довольной ухмылкой, что была раньше. А как-то горько. Устало. Словно только что понял что-то, чего не хотел понимать.

— С тобой скучно не будет, — сказал он тихо, почти спокойно. — Это точно.

Он сделал шаг назад. Потом второй. Подобрал с пола клинок, не спеша вытер лезвие о край своей рубашки и спрятал его.

Я не двигалась. Смотрела, как он отступает, и не верила своим глазам.

— Но сегодня, — он поправил воротник, провёл ладонью по волосам, приводя себя в порядок, — я, пожалуй, оставлю тебя в покое.

— Испугался? — вырвалось у меня. Голос прозвучал хрипло, но насмешка всё равно проскользнула.

Он замер у двери, обернулся через плечо. В его разноцветных глазах горело что-то тёмное, нечитаемое.

— Боится тот, кому есть что терять, лисичка. — Он усмехнулся снова, и в этой усмешке не было веселья. — А я давно уже ничего не теряю.

Тимур толкнул дверь и вышел. Бесшумно. Как и появился.

Я осталась одна.

Только тогда ноги подкосились. Я прислонилась спиной к холодной стене и медленно сползла по ней на кафельный пол. Босиком. В разорванном платье. С прикушенной губой, исцарапанной щекой и свежими следами его зубов на шее.

Я сидела так, наверное, минуту. Или пять. Или вечность. Я не знала. Я смотрела в одну точку на противоположной стене и пыталась заставить себя дышать ровно.

В груди всё дрожало. Не от страха. От злости. От бессиль-

ной, дикой ярости, которая не находила выхода.

Потому что он ушёл.

Не потому, что я победила. А потому, что он *решил* уйти. И это было хуже любой пощёчины.

Я закрыла лицо руками. Ладони пахли его кровью. Я не плакала. Я давно разучилась плакать.

А потом дверь снова открылась.

Я не подняла голову. Не успела. Только услышала тихие шаги — не тяжёлые, как у Тимура, а лёгкие, почти неслышные.

— Мелисса? — голос Лизы дрожал. — Господи... Мелисса, что случилось?

Я убрала руки от лица и подняла на неё взгляд.

Она стояла на пороге, прижимая ладонь ко рту. В её глазах — ужас. Настоящий, не наигранный. Она смотрела на мою разбитую губу, на царапину на щеке, на кровь на шее и на платье.

— Тише, — сказала я. Своим обычным, спокойным, пустым голосом. — Дверь закрой.

Лиза вздрогнула, но послушалась. Щёлкнула замком и прислонилась спиной к двери, будто боялась, что кто-то ворвётся следом.

— Кто? — прошептала она. — Кто это сделал?

Я посмотрела на её трясущиеся руки и почему-то улыбнулась. Криво. Одним уголком губ.

— Мой будущий муж, — ответила я. — Поздравь меня, Лиза. Я выхожу замуж.

Она побледнела. Села на корточки передо мной, не обращая внимания на дорогое платье, и схватила меня за руки.

— Нам нужно сказать Руслану, — заторопилась она. — Сейчас же. Он не позволит...

— Позволит, — перебила я. — Отец уже всё решил. Руслан ничего не изменит.

Лиза сжала мои пальцы так сильно, что захрустели костяшки.

— Но это... это же безумие. Посмотри на себя! Он тебя покалечит!

— Уже, — спокойно сказала я.

Она замолчала. Губы её задрожали, и я поняла, что она сейчас расплчется. За меня. Потому что сама я плакать не умела.

— Лиза, — позвала я тихо. — Сделай кое-что.

— Что? — выдохнула она.

— У тебя с собой есть тональный крем или корректор? — я коснулась пальцами своей шеи, где темнел свежий укус. — Мне нужно как-то это скрыть. Хотя бы до конца вечера.

Она моргнула, прогоняя непрошеные слёзы, и кивнула. Порылась в своей маленькой вечерней сумочке, достала корректор и протянула мне.

— Дай я, — сказала она тихо. — У тебя руки дрожат.

Я не стала спорить. Просто села ровнее и подставила шею.

Лиза работала молча. Аккуратно. Её пальцы были тёплыми и мягкими, совсем не такими, как его. Она маскировала синяки, царапины, следы укусов, а я сидела и смотрела в зеркало напротив.

— Мелисса, — прошептала она, не прекращая наносить корректор. — Ты ведь не просто так спросила про тональный крем. Ты не хочешь, чтобы кто-то узнал. Даже Руслан.

— Особенно Руслан, — поправила я.

— Почему?

Я закрыла глаза.

— Потому что он ползет. А отец его убьёт. Не сразу, но убьёт. Ты же знаешь Демида.

Лиза вздрогнула, но ничего не сказала. Просто продолжила свою работу.

Когда она закончила, я медленно поднялась с пола. Ноги слушались плохо, но я устояла. Подошла к зеркалу, повернула голову вправо, влево.

Следов почти не видно. Только если присмотреться. А кто

будет присматриваться?

— Спасибо, — сказала я.

Лиза встала рядом, заглянула мне в глаза.

— Ты ведь не вернёшься туда? — спросила она. — В зал. К ним.

— Вернусь, — я расправила плечи и подобрала с пола туфли. — Если я не вернусь, отец начнёт искать. И найдёт. А здесь... — я посмотрела на разбитую вазу, на опрокинутую мыльницу. — Здесь ничего не было. Ты меня не находила. Я просто поправляла макияж. Поняла?

Она кивнула. Глаза у неё были красные, но она держалась.

— Иди первая, — сказала я. — Я выйду через пару минут.

— Мелисса... — Она хотела добавить что-то ещё, но передумала. Развернулась и вышла.

Я осталась одна. Посмотрела на своё отражение в зеркале.

Растрёпанные волосы. Глаза — два потухших изумруда.

Я улыбнулась своему отражению. Фальшиво. Вежливо. Как учили.

— С днём рождения тебя, Мелисса, — сказала я самой себе.

Поправила волосы, надела туфли и вышла в зал — улыбаться гостям, пить шампанское и стоять рядом с тем, кого отныне называли моим женихом.

Коридор, ведущий в зал, казался бесконечным. С каждым шагом я натягивала на себя маску — ту самую, которую носила тринадцать лет. Спокойствие. Равнодушие. Фальшивую, вежливую полуулыбку.

Двери распахнулись, и меня накрыло волной света, музыки и голосов.

Гости оборачивались, кивали, кто-то снова тянул бокал в мою сторону с поздравлениями. Я вежливо кивала в ответ, ни на ком не задерживая взгляд, пока не нашла глазами отца.

Он стоял у дальнего конца стола, окружённый своими «партнёрами». Что-то обсуждал, жестикулировал, но краем глаза следил за мной. Всегда следил.

Я направилась к нему — не потому, что хотела. А потому, что так полагалось.

Но не успела сделать и трёх шагов, как моё запястье сжали стальные пальцы.

— А вот и моя невеста, — раздалось над ухом. Тихий, холодный голос. — А я уж думал, ты сбежала.

Тимур.

Я не дёрнулась. Не вырвала руку. Только повернула голову и посмотрела на него — спокойно, с той самой вежливой полуулыбкой, от которой у него дёрнулся глаз, когда он впервые увидел её в зеркале.

— Сбежать от такого счастья? — сказала я ровно. — Ты меня недооцениваешь.

Он усмехнулся. Но глаза у него были злые. Он рассматривал моё лицо слишком пристально — искал следы. Царапину на щеке, прикушенную губу, синяки.

Я знала, что он их не найдёт. Лиза сделала свою работу хорошо.

— Ты быстро привела себя в порядок, — заметил он, склоняясь к моему уху так, чтобы никто не услышал. — Прямо как феникс из пепла.

— А ты — как пёс, который вернулся на свою блевотину, — так же тихо ответила я. — Пошли. Отец ждёт.

Он не ожидал. Я почувствовала, как его пальцы на моём запястье дрогнули. Всего на секунду. Но я почувствовала.

Тимур не отпустил мою руку. Наоборот — переплёл свои пальцы с моими, изображая нежность. Для гостей. Для отца. Для всех, кто смотрел.

А я не сопротивлялась. Позволила ему вести меня сквозь толпу, вдоль столов, мимо чужих любопытных глаз.

Мы подошли к отцу. Тот прервал разговор на полуслове, окинул нас обоим внимательным взглядом — и на секунду задержался на моём лице.

Я выдержала этот взгляд. Не отвела глаза. Не побледнела.

— Мелисса, — сказал отец. В его голосе не было вопроса. Только констатация. — Ты выглядишь уставшей.

— Просто немного утомилась, — ответила я. — Танцы, гости, поздравления. Всё как полагается.

Отец кивнул. Поверил? Вряд ли. Но ему было всё равно, что я чувствую. Главное, что я здесь. И что Тимур рядом.

— Ты как, — голос брата раздался совсем близко. Руслан вдруг оказался передо мной, и я увидела в его глазах тревогу. — Всё в порядке?

Он смотрел на моё запястье — туда, где пальцы Тимура сжимали мою руку. И на мою шею — туда, где под слоем корректора прятался свежий укус.

Я улыбнулась ему. Теплее, чем отцу. Теплее, чем всем остальным.

— Всё отлично, Рус, — сказала я. — Правда.

Он не поверил. Я знала его. Он чувствовал ложь за версту. Но здесь, при всех, он ничего не мог сказать. Только сжал челюсти и кивнул.

— Если что, — произнёс он одними губами, — я рядом.

Я чуть заметно кивнула.

Тимур тем временем отпустил мою руку — но только для того, чтобы обвить мою талию. Жест собственника. Для всех очевидный.

— Вы позволите, Демид Дмитриевич? — обратился он к отцу. — Я хочу пригласить свою невесту на танец.

Отец кивнул. Даже не посмотрел на меня.

И Тимур повёл меня в центр зала.

Медленный танец. Оркестр играл что-то тягучее, почти печальное.

Он притянул меня ближе, чем следовало. Моя грудь почти касалась его груди. Его рука лежала на моей пояснице, чуть ниже, чем позволяли приличия.

— Ты смелая, — сказал он тихо, глядя мне прямо в глаза.
— Или очень глупая.

— И то, и другое, — ответила я. — Обычно это одно и то же.

Он усмехнулся. Криво. Почти зло.

— Знаешь, что я понял, пока ты была в уборной?

— Что ты психопат? Это было очевидно и без уборной.

— Что ты не боишься боли, — сказал он, не обращая внимания на мою реплику. — И это... бесит.

— Представь, как я себя чувствую, — сказала я, чуть наклоняя голову. — Меня только что обручили с психопатом, а я даже сбежать не могу.

Он резко крутанул меня в танце — так, что пол ушёл из-под ног. А потом снова притянул к себе, вплотную.

— Слушай меня внимательно, маленькая лисичка, — прошептал он, почти касаясь губами моего уха. — Ты можешь строить из себя ледяную королеву сколько угодно. Но помни: после свадьбы ты переедешь ко мне. И тогда никакая уборная тебя не спасёт.

Я не вздрогнула. Не побледнела. Только посмотрела на него своими пустыми глазами.

— После свадьбы, — повторила я, словно пробуя слова на вкус. — Значит, у меня ещё есть время.

— Время на что? — усмехнулся он.

Я улыбнулась той самой вежливой, фальшивой улыбкой.

— Насладиться свободой.

Музыка затихла. Танцоры захлопали.

И я, всё так же улыбаясь, похлопала вместе со всеми.

Но Тимур видел мои глаза. И я видела его.

Мы оба знали, что эта война только начинается.

Тимур отпустил меня не сразу. Его пальцы ещё секунду сжимали мою талию — проверяли, дрогну ли я, отшатнусь ли, попытаюсь ли вырваться. Но я стояла как каменная. Смотрела на него своими пустыми глазами и ждала.

Первым отступил он.

— Ты странная, — бросил он, отходя на шаг. В его голосе сквозило раздражение. — Обычно женщины либо боятся меня, либо хотят. А ты... — он повёл плечом, будто отгоняя назойливую мысль. — Ты просто стоишь.

— А что я должна делать по твоему замыслу? — спросила я ровно. — Бросаться тебе на шею? Падать в обморок? Брать автограф на память?

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. Неуверенной.

— Хотя бы эмоцию какую-нибудь показать, — сказал он.

— Эмоции закончились тринадцать лет назад, разноглазый, — ответила я. — Мне жаль, что твоя новая игрушка оказалась бракованной.

Я развернулась и пошла прочь. Не спрашивая разрешения. Не оглядываясь.

В спину мне летел его взгляд — тяжёлый, злой, непонимающий. Он не привык, чтобы от него уходили. Он не привык, чтобы его слова не достигали цели. Он не привык, чтобы на его угрозы только пожимали плечами.

Но я не обернулась. Пусть смотрит. Пусть злится. Пусть думает, что я просто замерзшая, сломленная девчонка, которую отец сплавил первому, кто предложил цену.

Пока он так думает — я в безопасности.

Пока он меня недооценивает — у меня есть время.

Я пересекла зал и остановилась у столика, где сидел Руслан. Он поднял на меня глаза — встревоженные, внимательные.

— Всё нормально? — спросил он тихо, чтобы никто не услышал.

— Всё прекрасно, — ответила я, беря со стола бокал шампанского. — Я только что танцевала со своим женихом. Разве это не то, о чём мечтает каждая девушка?

Руслан не улыбнулся. Он сжал мою руку под столом — крепко, по-родственному.

— Я узнаю, что он отцу дал, — сказал он одними губами. — Обещаю.

Я ничего не ответила. Только сделала глоток. Шампанское было тёплым и противным.

Из другого конца зала я чувствовала на себе чужой взгляд. Тимур всё ещё смотрел. И в его разноцветных глазах не было понимания.

Только злость.

Только недоумение.

Только смутное, непривычное чувство, которое он пока не умел назвать.

Он не понимал.

И это было прекрасно.

Шампанское было тёплым и противным, но я пила. Маленькими глотками, чтобы не опьянеть. Чтобы сохранять ясность головы.

Руслан сидел рядом, его рука всё ещё сжимала мою под столом. Он не задавал вопросов — просто молча поддерживал. И этого было достаточно. Лиза, с другой стороны, то и дело бросала на меня тревожные взгляды, но держалась молодцом. Ни следа паники, ни намёка на то, что она видела в уборной.

Хорошая девушка. Жаль, что её тоже продали, как и меня. Но мой брат хотя бы не тронет ее.

Время тянулось медленно. Кто-то из гостей уже заметно захмелел, кто-то начал прощаться. Отец всё ещё стоял в окружении мужчин в дорогих костюмах — обсуждал что-то важное, время от времени кивая в мою сторону.

Тимур больше не подходил.

Он держался на расстоянии — болтал с какими-то партнёрами, пил виски, улыбался той самой опасной улыбкой. Но я чувствовала его взгляд. Каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, у меня по спине пробежал холодок.

Не от страха. От предвкушения.

Он не понимал, с кем связался. И это было моим главным оружием.

— Мелисса, — голос отца раздался неожиданно близко.

Я подняла голову. Он стоял передо мной — высокий, невозмутимый, с ледяными изумрудными глазами, такими же, как у меня.

— Да, отец.

— Гости начинают разъезжаться. Ты должна проводить

их. Иди к выходу.

Не вопрос. Приказ.

Я поднялась. Руслан дёрнулся было следом, но я легонько нажала ему на плечо — останься.

Он остался. Но глазами провожал меня до самого выхода.

Я встала у дверей. Улыбалась. Кивала. Принимала прощальные поцелуи в щёку от старых знакомых отца и липкие рукопожатия от тех, кого видела впервые.

— Замечательный вечер, дорогая! Какой чудесный вечер!

— Счастья вам, молодые!

— Тимур — прекрасная партия, тебе повезло!

Мне повезло. Если бы они знали.

Я провожала гостей одного за другим, пока зал не опустел наполовину. Остались только самые близкие — те, с кем отец вёл дела до самого конца.

Тимур тоже не ушёл. Он стоял у бара, крутил в руках пустой бокал и смотрел на меня. Всё так же. Не отрываясь.

Отец подошёл ко мне, когда последний из малозначимых гостей скрылся за дверью.

— Ты сегодня хорошо держалась, — сказал он. Это было похоже на похвалу. На его языке — точно.

Я не ответила. Только кивнула.

— Тимур уедет последним, — продолжил он. — Ты проводишь его до машины.

— Хорошо.

Никаких «почему». Никаких «я не хочу». Я знала, что бесполезно.

Отец кивнул и отошёл. Я осталась стоять у выхода.

В зале играла тихая музыка. Кто-то из прислуги убирал со столов. Лиза что-то шептала Руслану, а он хмурился и кивал.

А потом ко мне подошёл он.

— Ну что, лисичка, — сказал Тимур, оказавшись рядом. Теперь в его голосе не было ни злобы, ни насмешки — только усталость. — Пора прощаться.

— Видимо, да, — ответила я.

Мы вышли на крыльцо вместе. Ночной воздух ударил в лицо — холодный, свежий, с запахом снега. Где-то вдалеке светились огни города.

Тимур остановился на верхней ступени, достал пачку сигарет, закурил. Я стояла рядом и смотрела, как дым тает в морозном воздухе.

— Знаешь, — сказал он неожиданно, — я думал, ты будешь другой.

— Какой?

— Яркой. Живой. Полной огня.

— Разочарован?

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. В его разноцветных глазах горело что-то тёмное, тяжёлое.

— Нет, — сказал он наконец. — Заинтригован.

Я ничего не ответила.

Он докурил, бросил окурочок в снег и нажал на брелок. В темноте моргнули фары его машины.

Я промолчала. Только смотрела на него — пустыми, вежливыми глазами.

— Впрочем, — Тимур вдруг усмехнулся шире, и в его улыбке мелькнуло что-то опасное, — у нас будет время разобраться. До свадьбы.

— До свадьбы, — повторила я без выражения.

Он сделал шаг ближе. Взял меня за подбородок — жестко, заставляя поднять голову выше.

— Но ты не думай, что я оставлю тебя в покое до самого алтаря, — прошептал он. — Двадцать девятого декабря — благотворительный новогодний вечер. Весь город будет там. И ты, лисичка, поедешь со мной.

— Понятия не имею, о каком вечере идёт речь, — солгала я, не отводя взгляда.

— О том, где пафосные меценаты дарят деньги на детские дома, а на самом деле делят сферы влияния, — сказал он, отпуская мой подбородок. — Твой отец знает. И уже дал добро. Так что готовь платье.

Я ничего не сказала. Только кивнула.

Тимур смотрел на меня ещё секунду — будто ждал реакции. Истерики. Страха. Хотя бы возмущения.

Но я стояла как статуя.

Он сел в машину и уехал. Я смотрела вслед удаляющимся огням, пока они не исчезли за поворотом.

В голове гудело. На губе саднил укус. На шее под слоем корректора темнели синяки.

Я развернулась и пошла обратно в дом.

Руслан ждал меня в прихожей. Лиза стояла за его спиной, теребя край платья.

— Мелисса, — начал брат. — Нам нужно поговорить.

Я посмотрела на него. На его сжатые кулаки. На его горящие глаза.

— Не сейчас, Рус, — сказала я устало. — Завтра. Хорошо?

Он хотел возразить — я видела. Но Лиза коснулась его плеча, и он выдохнул.

— Завтра, — повторил он. — Но мы поговорим.

— Обязательно, — солгала я.

Руслан бросил на меня последний долгий взгляд, взял Лизу за руку и вышел.

Я осталась одна.

Прислуга закончила уборку и тоже разошлась. Свет горел только надо мной — мягкий, жёлтый, бесполезный. Я сняла туфли, босиком прошла по холодному полу к окну.

За стеклом всё так же падал снег.

Я подошла к зеркалу, которое висело у выхода. Посмотрела на своё отражение.

Изумрудное платье. То самое — которое я выбрала сама,

назло отцу. Длинное, в пол, с открытой спиной и разрезом от бедра. Ткань была порвана у плеча — там, где Тимур впился пальцами, срывая бретельку. На вороте темнели следы крови — не все удалось оттереть в уборной. Синяки на талии проступят завтра утром, и никакой корректор их не спрячет.

Но глаза... глаза были живыми.

Впервые за тринадцать лет.

Я улыбнулась своему отражению. Настоящей улыбкой. Хищной.

— Игра началась, разноглазый, — прошептала я.

Я накинула на плечи накидку — ту самую, в которой пришла сюда несколько часов назад, когда ещё не знала, что моя жизнь перевернётся.

И вышла.

Холодный ветер ударил в лицо. Снег хрустел под босыми ногами — туфли я так и несла в руке. Через двор, мимо припаркованных машин охраны, мимо зимнего сада, к главному дому, где меня никто не ждал.

На часах было половина второго ночи.

А в груди у меня разгоралось что-то тёмное, горячее — то, что я считала мёртвым все эти годы.

И это было прекрасно.

Глава 3

****Глава 3****

****Тимур****

Машина летела по ночному городу. Снег бился в лобовое стекло, дворники с мерным шорохом смахивали его в стороны, но я не смотрел на дорогу. Не смотрел никуда.

Перед глазами всё ещё стояла она.

Мелисса.

Рыжая. В изумрудном платье. С глазами цвета того же камня — холодными, пустыми, пронзительными. Она смотрела сквозь меня. Не на меня. Сквозь. Будто я был пустым местом. Будто клинок у её щеки — это просто муха.

Я сжал руль так, что побелели костяшки.

— Да что с тобой не так? — выдохнул я в пустоту салона.

Я не понимал.

Я всегда понимал людей. Их страхи. Их слабости. Женщи-

ны боялись меня или хотели. Мужчины уважали или ненавидели. Все они были предсказуемы. Все до одной.

Но эта...

Она ударила меня. Дважды. Первый раз — по лицу, так, что голова мотнулась. Второй — я перехватил её руку, но опоздал: она уже врезала.

Она смеялась. Когда я укусил её шею, когда кровь потекла по ключице, она не закричала. Она рассмеялась мне в лицо. И сказала: «Слабак».

Никто никогда не называл меня слабаком.

Я включил поворотник, съехал на обочину. Заглушил мотор. Снег за окном всё падал — белый, спокойный, равнодушный.

Откинулся на подголовник. Закрыв глаза.

И память услужливо вытащила на поверхность разговор, который состоялся три дня назад. В кабинете Демида Лисовского. До того, как я впервые увидел её.

— Ты пришёл с предложением, — голос Демида был холоден, как лёд за окном.

— Я хочу жениться на Мелиссе.

— Ты её видел хоть раз?

— Нет. Но слышал достаточно. Ваша дочь — ваше оружие. Мне нужно оружие.

Демид тогда долго молчал. Рассматривал меня своими изумрудными глазами — такими же, как у той, кого я просил.

— Ты не знаешь, что внутри неё. Ты понятия не имеешь, кого просишь в жёны.

— Мне плевать.

Демид назвал цену. Четыре порта на Балтике. Пять процентов моей доли в контрабанде оружия на три года. Полное содержание дочери — дом, охрана, водитель, счёт в банке, не менее миллиона на личные расходы. Никаких видимых повреждений — лицо и руки должны быть чистыми.

Я согласился. Не торгуясь.

А потом он добавил последнее условие.

— Свадьба — до Рождества, — сказал он. — По нашему календарю. До седьмого января. В моём доме. Мне нужно, чтобы союз был закреплён до праздников.

— Три недели? — уточнил я.

— Достаточно, чтобы подготовиться, — ответил Демид. — Или ты передумал?

— Нет.

Мы пожали руки. Холодные пальцы. Стальная хватка.

— Если ты её убьёшь или покалечишь так, что это заметят врачи — ты ответишь лично передо мной.

— Я понял. — знал, что он беспокоиться не за дочь или её благополучие, а за то, что я мог оставить его без оружия.

Я вышел из кабинета, даже не обернувшись.

Тогда я думал, что покупаю игрушку. Дорогую. Красивую.

Опасную.

Я открыл глаза.

Снег всё падал. В салоне было холодно — я не включал отопление, не замечал.

Три недели до Рождества.

Три недели до того, как она станет моей по закону.

Я усмехнулся. Демид не шутил. Он хотел закрепить союз до праздников, чтобы все партнёры видели — его семья сильна, его дочь пристроена, его влияние растёт.

А я... я получал ту, кто уже укусила меня дважды. Ту, кто смотрела на меня пустыми глазами и не боялась.

— *Ты передумашь, когда увидишь её,* — сказал Демид на прощание.

Я не передумал. Но я понял, что ошибся.

Она — не игрушка. Игрушки не кусаются. Игрушки не

смеются в лицо, когда им режут щёку.

Я завёл машину. Выехал на дорогу.

И в голове крутилась одна мысль, от которой становилось тошно:

А что, если я заплатил не за игрушку?

Что, если я заплатил за того, кто ломает меня?

Я отогнал эту мысль. Слишком слабая. Слишком позорная. Я — Тимур Левицкий. Меня не ломают.

Но её пустые глаза стояли перед моими, сколько бы я ни моргал.

— Седьмого января, лисичка, — сказал я вслух, сворачивая на территорию своего дома. — Ты будешь моей. А там посмотрим, кто кого.

Я заглушил мотор. Вышел. Снег хрустел под ногами.

Холодный воздух ударил в лицо, но не помог.

Она была везде. В тишине двора. В темноте окон. В запа-

хе цветов и крови, который, как мне казалось, вьелся в мою рубашку.

Я вошёл в дом. Сбросил пиджак на пол. Прошёл в спальню.

Лёг. Закрыв глаза.

Три недели.

Уснуть не получилось.

Я смотрел в потолок и видел её.

Рыжую. В изумрудном платье. С пустыми глазами.

— Что же ты такое, Мелисса Лисовская? — прошептал я в темноту.

Ответа не было.

Только снег за окном.

И тишина, в которой мне почудился её смех

Я не спал почти всю ночь.

Ворочался, смотрел в потолок, пил виски, но сон не шёл. Перед глазами всё стояла она. Рыжая. В изумрудном платье. С пустыми глазами, которые смотрели сквозь меня.

Под утро я провалился в тяжёлую, липкую дремоту без снов. А в семь утра меня разбудил телефон.

— Тимур Арсеньевич, — голос моего помощника Глеба был ровным и деловым. — Через час встреча с поставщиками. Вам нужно быть в офисе.

— Я помню, — сказал я, хотя не помнил. Вообще не помнил.

Я сел на кровати, провёл рукой по лицу. В зеркале напротив отражался мужчина с красными глазами и небритой щекой. Выглядел я хреново. Чувствовал себя ещё хуже.

— Глеб, — сказал я, — через полчаса заедете за мной. И привезите папку с портовыми контрактами. Ещё ту, по оружию.

— Понял.

Я сбросил звонок, встал, зашёл в душ. Ледяная вода

отрезвила, но не выгнала её из головы.

Мелисса.

Я нажимал на кран сильнее, тёр кожу так, что она краснела, но ничего не помогало. Она была там. За закрытыми веками. В шуме воды. В тишине.

— Да что же ты, зараза, — прошептал я, упираясь ладонями в кафельную стену.

Вышел. Оделся. Чёрный костюм, белая рубашка, никакого галстука. Привычный образ. Хищник в деловой обёртке.

Глеб ждал у входа. Коротко кивнул, открыл дверь машины.

— В офис? — спросил он, когда я сел на заднее сиденье.

— Да.

Я смотрел в окно на заснеженный город и думал о ней.

Встреча с поставщиками тянулась бесконечно. Мужчины в дорогих костюмах говорили о ценах, объёмах, сроках, а я смотрел на их губы и слышал только одно: «свадьба седьмого

января».

— Тимур Арсеньевич, — позвал меня кто-то из них. — Вы согласны с условиями?

Я поднял глаза. Условия. Да какие там условия.

— Да, — сказал я. — Подписывайте.

Глеб бросил на меня быстрый взгляд. Он работал со мной пять лет и знал, что я никогда не соглашаюсь на условия, не прочитав их трижды. Но сейчас мне было плевать.

После встречи Глеб зашёл ко мне в кабинет. Закрыл дверь.

— Тимур Арсеньевич, вы не в себе, — сказал он прямо. За это я его и ценил — не лебезил, не боялся.

— С чего ты взял? — я разлил виски по двум стаканам. Один отодвинул ему.

— Вы только что отдали на три процента больше, чем планировали. И даже не торговались.

Я усмехнулся. Взял стакан, сделал глоток.

— У меня сегодня щедрое настроение, Глеб.

— У вас сегодня отсутствующее настроение, — поправил он, но виски взял. — Это из-за женщины?

Я посмотрел на него. Долго. Так, что он, кажется, пожалел о своём вопросе.

— Не лезь, — сказал я тихо.

— Понял, — он кивнул и отступил. — Что по портам? Документы готовы к завтрашнему дню.

— Отлично. — Я откинулся в кресле. — Ещё что?

— Благотворительный вечер двадцать девятого. Вы подтвердили участие. С Мелиссой Демидовной.

При упоминании её имени у меня внутри что-то дёрнулось. Я не понял — что. Злость? Нетерпение? Страх?

Нет. Не страх. Я не боюсь. Я никогда не боюсь.

— Подтвердил, — сказал я. — Приготовьте машину. И цветы. Какие-нибудь... дорогие. Чтобы пахли.

Глеб кивнул, что-то записал в телефон.

— Что-нибудь ещё?

Я хотел сказать «нет», но вдруг поймал себя на мысли, что хочу знать о ней больше.

— Глеб, — я сделал ещё глоток виски. — Что ты знаешь о Мелиссе Лисовской?

Глеб замер. Потом аккуратно поставил стакан на стол.

— Ничего, — сказал он. — И это странно. У неё нет социальных сетей. Нет публичных выходов. Её имя почти не упоминается в новостях. Только в связи с отцом. И то — редко.

— А что случилось тринадцать лет назад? — спросил я.
— На её дне рождения?

Глеб покачал головой.

— Никто не знает. Перекрытая информация. Все документы засекречены. Даже мои люди не смогли ничего найти.

Я задумался. Это было необычно. Даже для семьи Лисов-

ского.

— Продолжайте копать, — сказал я. — Мне нужно знать, кого я беру в жёны.

— Вы уже взяли, — осторожно заметил Глеб. — Сделка заключена.

— Я знаю, — я усмехнулся. — Но я хочу знать, что покупал.

Глеб кивнул и вышел.

Я остался один. Допив виски, я подошёл к окну. Внизу, на заснеженной улице, сустились люди. Маленькие. Безликие. Неважные.

А я думал о ней.

О её ударе. О её укусе. О её смехе, когда я впился зубами в её шею.

— Ты странная, Мелисса, — сказал я в пустоту. — И я узнаю, почему.

Я вернулся за стол. Разложил бумаги. Порта, оружие, кон-

тракты, сделки. Привычная работа. Привычная жизнь.

Но теперь в ней появилась она.

Рыжая.

С изумрудными глазами.

И её пустой взгляд, который я поклялся себе разбить.

Даже если для этого придётся сломать её саму.

Или сломаться самому.

****Мелисса.****

Свет за окном был серым, снежным. Я не слышала будильника — я почти не спала. Тело ломило, щеку саднило там, где вчера прошёлся клинок Тимура. Я опустила взгляд на свои руки — на запястьях уже проступили синяки. Там, где он сжимал их вчера. Я медленно подняла край футболки — на талии темнели следы его пальцев. Фиолетовые, злые.

В дверь постучали. Коротко, вежливо — горничная.

— Мелисса Демидовна, завтрак через пятнадцать минут.

— Я спущусь, — ответила я.

Голос прозвучал ровно, будто ничего не случилось. Будто вчера меня не целовал с кровью жених, а отец не продал меня первому, кто предложил цену.

Я встала. Зашла в ванную. Ледяная вода отрезвила, но синяки не смыла. Их пришлось прятать — высокий ворот водолазки, длинные рукава, никаких украшений, кроме браслета, который подарил Руслан.

В зеркале на меня смотрела девушка с изумрудными глазами. Спокойная. Холодная. Собранная.

Маска.

Я спустилась в столовую главного дома.

За столом уже сидели Руслан и Лиза.

Руслан — в домашней рубашке, с кругами под глазами, небритый. Лизу было видно меньше — она пряталась за чашкой кофе, но её тревожный взгляд скользил по моему лицу, по высокому вороту водолазки, по тому, как я двигаюсь — осторожно, бережно, будто каждое движение отзывается бо-

лью.

Отец ещё не вышел.

Я села на своё место — по левую сторону от пустующего главы семейства. Села ровно, положила руки на стол, сцепила пальцы.

— Доброе утро, — сказала я.

— Утро, — Руслан кивнул, но в его голубых глазах не было утра. Была тревога.

— Как спалось? — спросила Лиза тихо.

— Прекрасно, — солгала я.

Нам принесли завтрак. Яйца, тосты, блинчики, свежесжатый сок. Я взяла чашку кофе — только кофе. Есть не хотелось. Внутри всё сжималось от вчерашнего.

Руслан смотрел на меня. Не сводил глаз.

— Ты не ешь, — заметил он.

— Не голодна, — ответила я, делая глоток.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Лиза под столом сжала его руку — я заметила это движение краем глаза. Она пыталась его успокоить.

Завтрак прошёл в молчании. Тяжёлом. Липком.

Когда прислуга убрала тарелки, отец всё ещё не появился. Это было странно. Демид Лисовский никогда не опаздывал к столу.

Руслан поднялся.

— Мелисса, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Я киваю.

Мы поднялись ко мне в комнату. Руслан закрыл дверь, прислонился к косяку.

— Как ты? — спросил он. Простой вопрос, но в его голосе было столько боли, что у меня сжалось сердце.

— Жива, — ответила я.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Он смотрел на меня. Долго. Внимательно. Его голубые глаза — мамины глаза — сканировали моё лицо, мою шею, скрытую высоким воротом, мои руки, прикрытые рукавами.

— Что он тебе сделал вчера? — спросил Руслан тихо. — В уборной.

Я сделала глоток кофе. Горько. Обжигает.

— Ничего такого, с чем я не справлюсь.

— Мелисса. — Он шагнул ко мне. — Я видел, как вы выходили. У него на губе была кровь. У тебя на лице — царапина. Я не слепой.

— Мы просто... познакомились поближе, — я усмехнулась, но усмешка вышла кривой.

— Не смешно.

— А я и не смеюсь.

Руслан сел рядом со мной на кровать. Взял меня за руку

— осторожно, будто боялся сломать. Когда его пальцы коснулись моих, я невольно вздрогнула. Синяки на запястьях отозвались тупой болью.

Он заметил. Конечно, заметил.

— Покажи, — сказал он глухо.

— Рус...

— Покажи, Мелисса. Или я сам посмотрю.

Я медленно подняла рукав водолазки. На запястье — тёмные отпечатки пальцев. Пять фиолетовых точек на бледной коже.

Руслан замер. Я видела, как его челюсть сжалась, как побелели костяшки на его собственных руках.

— Он тебя трогал? — спросил он. Голос был тихим. Слишком тихим.

— Не в том смысле, — ответила я. — Он просто злился.

— Он злился, — повторил Руслан. — И ты позволяешь ему так себя вести?

— А что мне остаётся? — я посмотрела ему в глаза. — Ударить в ответ? Я ударила. Не помогло. Укусить? Я укусила. Он укусил сильнее. Я — игрушка, Рус. Игрушки не имеют права голоса.

— Ты не игрушка, — прошипел он. — Ты моя сестра.

— А ещё я — дочь Демида Лисовского, — сказала я. — И меня продали. Как и Лизу. Ты думаешь, отец спросил бы моё мнение, даже если бы я была не сломана?

Руслан молчал. Я видела, как внутри него закипает ярость, которую он не может выплеснуть.

— Я узнаю, что он отцу дал, — сказал он наконец. — Я узнаю, почему отец согласился.

— И что это изменит?

— Может, ничего. А может, всё, — он сжал мою руку, на этот раз осторожно, не касаясь синяков. — Ты не должна выходить за него, если не хочешь.

— А если я уже не знаю, чего хочу? — вырвалось у меня.

Я не планировала этого говорить. Не планировала показывать слабость. Но Руслан — единственный, перед кем я могла её позволить.

Он обнял меня. Молча. Крепко.

— Мы что-нибудь придумаем, — прошептал он. — Клянись.

Я не ответила.

— Мелисса, — он отстранился, заглянул мне в лицо. — Ты обещаешь, что позвонишь, если он снова... если что-то случится?

— Обещаю, — солгала я.

Он не поверил, но кивнул. Встал.

В этот момент в дверь постучали. Коротко. Три удара. Охранник.

— Мелисса Демидовна, вас вызывает отец. Срочно.

Руслан напрягся.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Не знаю, — ответил охранник. — Демид Дмитриевич ждёт в кабинете.

Я встала. Поправила ворот водолазки.

— Иду, — сказала я.

— Мелисса, — Руслан взял меня за локоть. — Если это связано с ним...

— Это связано с работой, — перебила я. — Отдыхай, Рус. Тебе нужно выспаться.

Я вышла из комнаты, не оглядываясь.

Кабинет Демиды встретил меня привычным холодом. Тяжёлые шторы, массивный дубовый стол, оружие на стенах. Запах кожи, дерева и власти.

Отец сидел за столом. Перед ним — ноутбук, тонкая чёрная папка, стакан с тёмной жидкостью. Он не пил, просто держал стакан в руке, крутил его, смотрел на янтарные блики.

— Закрой дверь, — сказал он.

Я закрыла.

Отец указал на стул напротив себя. Я села. Выпрямила спину. Сложила руки на коленях. Ждала.

Он молчал долго. Разглядывал меня своими изумрудными глазами — такими же, как у меня. Искал что-то. Слабость? Страх? Не знаю. Надеюсь, не нашёл.

— Ты знаешь, почему я выдаю тебя замуж за Тимура? — спросил он наконец.

— Потому что он много заплатил, — ответила я.

— Не только, — Демид отставил стакан. — Он — союзник. Сильный. Богатый. Беспринципный. Такие люди нужны нашей семье.

— И поэтому ты продаёшь меня, — сказала я. Не вопрос. Констатация.

Отец чуть приподнял уголок губ. Это не было улыбкой.

— Ты не продана, Мелисса. Ты — вложена в актив. Как

оружие. А оружие не имеет права выбора. У оружия есть только цель.

— И какова моя цель сегодня? — спросила я.

Я знала, что он вызвал меня не для разговоров о помолвке. Если отец зовёт в кабинет и закрывает дверь — значит, есть работа.

Отец взял со стола чёрную папку, бросил её передо мной.

— Андрей Сергеевич Морозов. Наш партнёр. Был.

Я открыла папку. Фотографии, схемы, досье. Мужчина лет пятидесяти. Дорогой костюм, седина на висках, цепкий взгляд. Склад на окраине города. Охрана — восемь человек. График перемещений. Привычки. Слабые места.

Я листала страницы, не торопясь. Впитывала информацию, как учили с детства. Лицо запоминать необязательно — перед смертью лица стираются. Важны привычки. Маршруты. Слабости.

— Что он сделал? — спросила я, закрывая папку.

— Решил, что может торговать сам. Без нас. Сбил про-

цент. Перестал платить. Нашёл других покровителей.

Отец говорил спокойно, будто рассказывал о погоде. А я уже раскладывала в голове план.

Склад. Восемь охранников. Четверо у входа, двое на крыше, двое внутри. Морозов обычно в кабинете на втором этаже. Выходит покурить каждые полтора часа. Лучше брать его на выходе — меньше шума.

— Твоя задача, — Демид подался вперёд, — встретиться с ним. Задать вопросы. Узнать, кто за ним стоит. Кто надумил его предать нашу семью.

— А после вопросов? — я подняла на отца глаза.

— После — ты решишь, — ответил он. — Жить ему или умереть.

Я кивнула. Это было привычно.

— Какие ограничения?

— Никаких. Ты знаешь, как это делается. Ты лучшая.

В его голосе не было гордости. Только факт.

Отец никогда не хвалил меня. Он просто констатировал: «*ты лучшая*». Как говорят, что снег белый или что нож острый. Без эмоций. Без тепла.

Я встала. Взяла папку.

— Когда?

— Сегодня вечером. В двадцать один ноль-ноль. Он будет на складе. Охрана — восемь человек. Оружие выберешь сама.

— Мне не нужно оружие, — сказала я.

Отец посмотрел на меня долгим, холодным взглядом.

— Знаю, — сказал он. — Но оно будет в машине. На всякий случай.

Я развернулась и пошла к двери.

— Мелисса, — окликнул он.

Я обернулась.

— Твой жених будет на благотворительном вечере двадцать девятого. — Голос отца стал чуть тише. — Посмотрим, как вы смотрите вместе.

— Посмотрим, — ответила я и вышла.

Спустя время я сидела на кровати, перечитывала досье. Морозов. Андрей Сергеевич. Пятьдесят три года. Вдовец. На складе бывает три раза в неделю. По вечерам. Любит виски. Любит чувствовать себя хозяином жизни.

Сегодня он почувствует себя добычей.

Я закрыла папку. Встала. Подошла к шкафу, достала чёрную куртку, перчатки без пальцев, удобные ботинки на тонкой подошве — чтобы не шуметь.

В зеркале напротив стояла девушка в чёрном. С изумрудными глазами. С пустотой внутри.

Но пустота сегодня была другого рода. Не та, что от боли. А та, что бывает перед охотой. Сосредоточенная. Тихая. Смертельная.

Я взяла со стола свой клинок. Тот самый — который был у меня с семи лет. Которым я впервые взяла чужую жизнь.

Провела пальцем по лезвию. Острое. Верное. Молчаливое.

Я убивала впервые в семь лет. Не по своей воле. Но с тех пор... с тех пор это стало тем, что я умею лучше всего.

Допросы. Боль. Правда, которую вырывают с мясом. Я научилась этому быстрее, чем улыбаться.

Я убрала клинок во внутренний карман куртки. Надела часы — ровно восемь вечера. Через час я должна быть на месте.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала я.

На пороге появился Руслан. Он смотрел на мою одежду, на моё лицо, на собранные волосы. Он всё понял.

— Отец дал задание, — сказал он. Не вопрос.

— Да.

— Кого?

— Неважно, — ответила я. — Важно, что к утру его не

станет.

Руслан шагнул ко мне. Взял мои руки в свои, посмотрел в глаза.

— Ты справишься, — сказал он. — Ты всегда справлялась.

— Знаю, — я выдернула руки, поправила воротник куртки.

— Мелисса, — он позвал меня тише. — Ты помнишь, что ты не только оружие?

Я усмехнулась. Криво. Горестно.

— А кто ещё, Рус? Кто ещё я?

Он не ответил. Потому что не знал.

Я вышла из комнаты.

За окном темнело. Снег всё падал.

Через час я должна была стать или палачом, или судьёй.

Я знала, что выберу.

Я всегда выбирала смерть.

Я вышла через задний вход главного дома. Чёрная машина уже ждала — тонированные стёкла, бесшумный двигатель. Водитель, пожилой молчаливый мужчина по имени Борис, работал на отца двадцать лет. Он видел всё. Его уже ничем нельзя было удивить.

— Добрый вечер, Мелисса Демидовна, — кивнул он, открывая заднюю дверь.

— Вечер, Борис, — ответила я, садясь в машину.

В бардачке — пистолет с глушителем, два ножа, упаковка пластиковых стяжек, маска. Я взяла только свой клинок. Остальное оставила.

— Ждите здесь, — сказала я. — Я вернусь через час. Или не вернусь.

Борис кивнул. Он знал, что это значит. «Не вернусь» означало, что меня убьют. Такое случалось редко, но случалось. Тринадцать лет на такого рода заданиях — не могло быть без потерь.

Я пересела на водительское место, завела мотор и выехала за ворота.

Снег падал на лобовое стекло. Дворники смахивали его — мерно, спокойно, равнодушно. Я смотрела на дорогу и прокручивала в голове план.

Склад на окраине. Восемь охранников. Четверо у входа, двое на крыше, двое внутри. Морозов — в кабинете на втором этаже. Каждые полтора часа выходит покурить. Лучше взять его на улице — меньше шума.

Но я не люблю ждать. Я люблю заходить с парадного.

На часах было двадцать один ноль-ноль, когда я въехала на территорию склада.

Охрана у ворот — двое. Мужчины в чёрных куртках, с рациями на поясах. У одного — автомат, у второго — пистолет.

Я вышла из машины. Поправила куртку. Пошла к воротам медленно, спокойно, как на прогулку.

Снег хрустел под ботинками.

— Стоять! — окликнул меня охранник с автоматом. — Территория режимного объекта. Проход запрещён.

Я подняла голову. Посмотрела ему в глаза.

— Меня ждут, — сказала я.

— Кто?

Я назвала имя.

Охранник нахмурился. Достал рацию, что-то прошептал. Через десять секунд ворота открылись.

— Проходите, — буркнул он.

Я прошла. Не оглядываясь.

Внутри склада было темно и пахло машинным маслом. Грузовые контейнеры, ящики, погрузчики. Где-то наверху горел свет — кабинет Морозова.

Я поднялась по металлической лестнице. На втором этаже — двое охранников. Телохранители. Крупные, с переговорными устройствами в ушах.

— Мелисса Лисовская, — представилась я. — К Андрею Сергеевичу.

Они переглянулись. Один кивнул, открыл дверь.

Кабинет. Просторный. С панорамным окном, через которое виден весь склад. За столом — Морозов. Дорогой костюм, седина на висках, цепкий взгляд. Перед ним — стакан виски и пепельница с окурками.

Он поднял голову, увидел меня — и напрягся.

— Мелисса Демидовна, — сказал он. Голос был ровным, но я заметила, как дрогнули его пальцы. — Какой сюрприз. Отец не предупреждал, что вы приедете.

— Люблю неожиданности, — я закрыла за собой дверь. Села на стул напротив него. Не спрашивая разрешения.

Охранники остались снаружи.

Мы смотрели друг на друга. Морозов — цепко, настороженно. Я — спокойно, изучающе.

— Зачем пожаловали? — спросил он, делая глоток виски.

— Поговорить, — ответила я. — Отец просил передать несколько вопросов.

Он усмехнулся. Криво. Нервно.

— Передавайте.

— Почему вы перестали платить?

Вопрос ударил, как пощёчина. Морозов замер. Его пальцы сжали стакан так, что побелели костяшки.

— Это сложный вопрос, — сказал он осторожно.

— У меня есть время, — я откинулась на спинку стула.
— И у вас есть время, чтобы ответить.

Он смотрел на меня долго. Оценивал. Просчитывал.

— Ваш отец задирает процент, — сказал он наконец. — Мы работаем с ним пятнадцать лет. Пятнадцать! А он всё повышает и повышает. Когда это остановится?

Я слушала. Не перебивала.

— Второй вопрос, — сказала я. — Кто вас надоумил?

Морозов побледнел.

— Никто. Я сам принял решение.

— Не лгите, — я сказала это спокойно, будто обсуждала погоду. — Вы не из тех, кто решается на предательство в одиночку. Кто вас подтолкнул?

Морозов молчал. Долго. Я видела, как капельки пота выступили на его лбу.

— Я не скажу, — прошептал он.

— Третий вопрос, — я не настаивала. — Что вы готовы отдать, чтобы жить дальше?

Он посмотрел на меня с надеждой. Глупец.

— Всё, — выдохнул он. — Деньги. Информацию. Долю. Всё, что скажете.

— Хорошо, — я кивнула. — Тогда назовите имя того, кто надоумил вас предать отца.

Он снова замолчал. Я видела, как в его голове шла борьба

— между страхом смерти и страхом перед тем, кто стоял за ним.

— Я не могу, — сказал он. — Он убьёт мою семью.

— А я убью вас, — ответила я. — Прямо сейчас. Прямо здесь. И потом найду вашу семью. Не для того, чтобы убить. А для того, чтобы они знали, как вы предали тех, кто вам доверял.

Морозов побелел как мел.

— Вы не посмеете, — прошептал он.

Я встала. Медленно. Достала клинок.

— Вы хотите проверить?

Лезвие блеснуло в свете настольной лампы. Морозов смотрел на него, как кролик на удава.

— Пожалуйста, — его голос сорвался. — Пожалуйста, не надо.

— Имя, — сказала я. — И вы уйдете. Живым. Из города. Навсегда. Забудете, кто такой Демид Лисовский. Забудете,

что такое бизнес. Будете жить в деревне, растить яблоки. Я даю вам слово.

Он посмотрел мне в глаза. Мои были пусты. Но он не знал, что пустота — это не жестокость. Пустота — это отсутствие выбора.

— Виктор Сергеевич Гордеев, — выдохнул Морозов. — Он обещал мне защиту. Новые рынки. Он сказал, что ваш отец скоро уйдёт, и я должен быть на правильной стороне.

Гордеев. Я запомнила имя.

— Гордеев, — повторила я. — Спасибо.

Я убрала клинок.

Морозов выдохнул с облегчением.

— Вы отпустите меня? — спросил он.

— Я дала слово, — ответила я. — Вы уйдете живым.

Я повернулась и пошла к двери.

— Мелисса Демидовна, — окликнул он. — Вы... вы прав-

да отпустите?

Я обернулась. Посмотрела на него своими пустыми глазами.

— Я сказала — живым. — Я открыла дверь. — Но я не говорила, каким именно.

Охранники снаружи смотрели на меня с недоумением.

— Уведите его, — сказала я. — В машину отца. И проследите, чтобы доехал.

— А вы? — спросил один из них.

— А я сама.

Охранники вошли в кабинет, подхватили побледневшего Морозова под руки и вывели. Он не сопротивлялся. Он всё понял.

Живым не значит невредимым.

Отец хотел правду — он её получил. Отец хотел наказание — он его получит.

Но не сегодня. Сегодня Гордеев — вот кто должен бояться.

Я вышла на улицу. Снег всё падал. Я подняла голову к небу, подставила лицо холодным хлопьям.

Клинок был чистым.

Сегодня я не убивала.

Сегодня я решила иначе.

Отец будет недоволен. Но он не просил труп. Он просил правду.

Я села в машину. Завела мотор.

— Всё? — спросил Борис, когда я подъехала к нему.

— Всё, — ответила я. — Едем домой.

Я включила радио. Играла тихая музыка.

В голове крутилось одно имя: Гордеев.

Виктор Сергеевич Гордеев.

Тот, кто решил, что Демида Лисовского можно предать.

Очень зря.

Я вернулась в особняк за полночь. Двадцать второго декабря, если быть точной. Двадцатое — день рождения и помолвка. Двадцать первое — задания, разговоры, кровь. А теперь двадцать второе. Тишина.

Снег всё падал — белый, равнодушный, вечный. Я заглушила мотор, вышла из машины и кивнула Борису, чтобы он ждал. Сама прошла к чёрному входу, поднялась по служебной лестнице.

Отец ждал в кабинете.

Он сидел в том же кресле, что и днём. В том же костюме. Перед ним — стакан, но теперь уже пустой. На столе — включённый ноутбук и чёрная папка, которую я утром забрала.

— Живой? — спросил он, даже не повернув головы.

Я закрыла за собой дверь. Встала напротив стола.

— Живой.

— Зря.

— Я дала слово, — ответила я. — Он назвал имя.

Отец медленно повернулся ко мне. Его изумрудные глаза — мои глаза — изучали моё лицо.

— Кто?

— Виктор Сергеевич Гордеев.

Отец не дёрнулся. Не изменился в лице. Только поджал губы — едва заметно.

— Гордеев, — повторил он. — Старый друг. Старый партнёр. — Он помолчал. — Старая крыса.

— Морозов сказал, что Гордеев обещал ему защиту и новые рынки. И что ты скоро уйдёшь.

— Уйду? — отец чуть приподнял бровь. — Это интересно.

— Что будем делать? — спросила я.

Отец встал. Подошёл к окну. С минуту смотрел на снег, на чёрное небо, на огни города вдалеке.

— Пока ничего, — сказал он наконец.

Я удивилась. Отец никогда не откладывал наказание.

— Ничего? — переспросила я.

— Гордеев — не Морозов, — ответил отец. — У него длинные руки. Если мы дёрнем сейчас — он поймёт, что его вычислили. Приготовится. Ударит первым.

— А если ждать?

— Если ждать — он расслабится. Совершит ошибку. А мы будем готовы.

Он обернулся ко мне.

— Сейчас у тебя другие дела, Мелисса. Двадцать девятое — благотворительный вечер. Ты должна быть там. С Тимуром. Как его невеста.

— А Гордеев?

— Гордеев подождёт, — отец сел в кресло. — У тебя ещё будет время на охоту. Но не сейчас.

Я кивнула. Отец не терпел возражений.

— Хорошо, — сказала я. — Подождёт.

— Иди отдыхай, — отец махнул рукой. — У тебя был долгий день.

Я развернулась и пошла к двери.

— Мелисса, — окликнул он.

Я обернулась.

— Ты не убила Морозова, — сказал он. — Почему?

Я помолчала.

— Потому что живой он принёс больше пользы, чем мёртвый, — ответила я. — И потому что я дала слово.

— Слово врагу?

— Слово — это не для врагов, отец, — сказала я. — Слово — это для себя.

Он ничего не ответил. Я вышла.

Я сидела на кровати, смотрела на свои руки. Чистые. Ни крови. Ни царапин. Сегодня я не убивала.

Внутри пульсировало что-то тёмное, неутолённое. Охота не началась. Её отложили. Гордеев — пока не тронутый. Но я знала, что это ненадолго.

Я достала клинок — тот самый, с семи лет. Провела пальцем по лезвию. Острое. Верное. Молчаливое.

— Потерпи, — сказала я ему шёпотом. — Скоро будет работа. Но не сегодня.

Я убрала клинок под подушку. Легла. Закрыла глаза.

Перед мысленным взором стояло лицо. Но не Гордеева. Не отца. Даже не Морозова.

Тимур.

Его разноцветные глаза. Его усмешка. Его пальцы на моей

талии. Его укус. Его кровь на моих губах.

Двадцать девятое декабря.

Благотворительный вечер.

Неделя.

Семь дней.

Я не знала, что жду этой встречи. Но где-то глубоко, там, куда я не любила заглядывать, теплилось что-то живое.

Не страх.

Не надежда.

Азарт.

— Посмотрим, разноглазый, — прошептала я в темноту.
— Кто кого переиграет.

За окном всё так же падал снег.

Я закрыла глаза и провалилась в сон.

****Тимур.****

Он не спал.

Сидел в своём кабинете, листал бумаги, пил виски, смотрел на телефон. На экране — фотография Мелиссы. Единственная, которую ему удалось найти. Старая. Ещё школьная. Рыжие волосы распущены, глаза — два зелёных огня.

За окном снег. Тишина. Только часы тикают.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Тимур, не поднимая головы.

Вошел Глеб. С папкой в руках. С лицом человека, который принёс новости и не знает, обрадуют они или нет.

— Тимур Арсеньевич, — сказал он. — Есть информация.

— Выкладывай.

Глеб положил папку на стол.

— Наши люди в окружении Демида передали: сегодня вечером Мелисса Демидовна выезжала на склад к некоему Ан-

дрею Сергеевичу Морозову. Бывший партнёр Лисовского. Перестал платить. Нашёл других покровителей.

Тимур поднял глаза.

— И?

— Морозов жив. Но сломлен. Его увезли в неизвестном направлении. Наши люди не знают, что именно произошло на складе. Детали задания знает только Мелисса и сам Демид.

— Значит, Мелисса работает, — Тимур усмехнулся. — И работает чисто. Если ваши люди не узнали, что там было.

— Да, — Глеб кивнул. — Но есть ещё кое-что.

— Говори.

— Перед тем как Морозова увезли, он назвал имя. Кто стоял за его предательством.

Тимур взял папку. Открыл. Внутри — несколько листов с досье. Фотография мужчины лет шестидесяти. Серые волосы. Холодные глаза.

— Виктор Сергеевич Гордеев, — прочитал Тимур. — Старый партнёр Демида. Давно. И надо же — крыса.

— Наши люди говорят, что Демид пока не принимает мер, — добавил Глеб. — Отложил.

— Отложил? — Тимур поднял бровь. — Это не похоже на Лисовского.

— У Мелиссы скоро свадьба, — напомнил Глеб. — Благотоворительный вечер через неделю. Демид не хочет шума.

— Или готовит что-то более масштабное, — Тимур закрыл папку. — Оставь это у меня.

— Понял. Ещё что-нибудь?

— Да, — Тимур посмотрел на помощника долгим взглядом. — Узнай, где она будет после вечера. Я хочу отвезти её домой.

— Она будет с отцом, — напомнил Глеб. — Демид Лисовский всегда задерживается до конца. Не любит упускать контроль.

— Значит, я буду ждать, — Тимур усмехнулся. — Он не

сможет держать её рядом вечно. Рано или поздно она отойдёт. А я буду рядом.

Глеб кивнул и вышел.

Тимур остался один. Смотрел на папку. На фотографию Гордеева.

— Гордеев, — повторил он. — Вот ты кто.

Он откинулся в кресле. Закрыв глаза.

Перед ним стояла она. Мелисса. На складе. С клинком. Или пистолетом. С холодными глазами. Которая не убила, когда могла. Которая взяла слово и сдержала его.

— Что же ты за зверь, Мелисса Лисовская? — прошептал он.

Он открыл глаза. Взял телефон. Написал Глебу:

«Платье Мелиссы на благотворительный вечер пока неизвестно. Она ещё не выбрала. Следим».

Ответ пришёл через минуту: *«Понял».*

Тимур усмехнулся. Поставил телефон на стол.

Через неделю он увидит её снова.

И на этот раз — при всех.

Он не знал, чего ждал больше: её улыбки для камер или её пустых глаз, которые сводили его с ума.

— Жди, лисичка, — сказал он в пустоту. — Я приду.

Я лёг далеко за полночь. Не спалось.

Ворочался, смотрел в потолок, думал о ней. Все еще.

О её ударе. О её укусе. О её смехе, когда он впился зубами в её шею.

— Маленькая дьяволица, — прошептал я в темноту.

Закрыв глаза.

И увидел её.

Рыжую. С изумрудными глазами. В платье, которое она выберет сама.

Она смотрела на меня. Пусто. Холодно.

А я хотел, чтобы она смотрела иначе.

Не знал — как.

Но знал, что добьётся этого.

За окном всё так же падал снег.

Тихо. Бесконечно. Равнодушно.

Глава 4

****Глава 4****

****Мелисса.****

Семь дней.

Сто шестьдесят восемь часов.

Десять тысяч восемьдесят минут.

Мне потребовалось ровно столько, чтобы понять: я постоянно думаю о нем

Я не выходила из дома.

Тренировки. Допросы. Короткие встречи с отцом, который проверял её готовность. Морозов был жив, но сломлен — его отправили туда, откуда не возвращаются. Гордеев ждал. Отец ждал. Все ждали.

Я ждала тоже.

Двадцать девятого.

Тимура.

Я не говорила о нём вслух. Даже с Русланом. Даже с Лизой, которая заходила каждый вечер с чашкой чая и тревожными вопросами.

— Ты думаешь о нём? — спросила Лиза однажды.

— О ком? — ответила, хотя знала.

— О Тимуре.

Я промолчала. Это было ответом.

Я не думала о нём. Я чувствовала его. В своей талии, где остались синяки от его пальцев. На своей шее, где ещё не до конца зажил след от его укуса. В своей голове — его голос, его шёпот, его *«маленькая лисичка»*.

Я ненавидела себя за это.

Но ничего не могла с собой сделать.

Двадцать девятого декабря, я проснулась затемно.

Не от будильника — от собственного дыхания. Слишком частое. Слишком громкое. Как после бега. А я просто лежала

и смотрела в потолок.

Снег за окном перестал. Впервые за две недели. Серое утро смотрело на меня пустыми глазами — как я сама смотрела на мир последние тринадцать лет.

Сегодня всё изменится.

Я не знала — как. Не знала — в какую сторону. Знала только, что обратной дороги не будет.

Встала. Зашла в ванную.

Ледяная вода обожгла лицо, разогнала остатки сна. Я смотрела на себя в зеркало — на изумрудные глаза, на бледную кожу, на шрам на щеке — тонкую белую линию, которую оставил клинок Тимура.

Она почти зажила. Почти исчезла.

Но я знала — если провести пальцем, почувствую. Она там. Под кожей. Как он.

Я выключила воду. Вытерлась. Начала готовиться.

Я не люблю долгие сборы. Не люблю, когда вокруг меня

суетятся стилисты, визажисты, горничные. Не люблю, когда моё тело превращают в холст.

Сегодня я решила так же.

Никаких помощников. Только я.

Я достала платье из шкафа. Оно висело там три дня — я ждала. Не знала, чего. Может, знака. Может, смелости.

Бордовое.

Не кроваво-красное — не для него. Не винное — не для гостей. Бордовое, цвета переспелой вишни, цвета старой крови, цвета заката перед бурей.

Ткань струилась в пальцах — тяжёлый шёлк, матовый, без блеска. Длинное, в пол. Без рукавов — открытые руки от плеч до запястий.

Я не стесняюсь своих шрамов. Их много — старых, белых, почти незаметных, если не знать, где смотреть. На предплечьях — от клинков, когда училась держать оружие. На плечах — от осколков, когда училась уворачиваться. На ладонях — от верёвок, когда училась выкручиваться.

Каждый шрам — урок. Каждый урок — выживание.

Я не прячу их. Пусть видит. Пусть смотрит. Пусть понимает: меня не так просто убить.

Спина открыта почти полностью — глубокий вырез до поясницы. Позвонки, лопатки, тонкая кожа. Всё на виду. Никакой защиты.

Шея приоткрыта — не высокий ворот, а мягкий вырез-лодочка, открывающий ключицы и основание шеи. Там, где неделю назад красовался след его укуса. Корректор скрыл синяк почти полностью, но если присмотреться... пусть приглядывается.

Спереди — скромно. Закрытая грудь, никакого декольте. Сегодня я не игрушка.

И разрез. Единственный. От бедра и почти до щиколотки. Вертикальная полоса обнажённой кожи — узкая, как лезвие. Каждый шаг будет открывать ногу. Каждый поворот — дразнить.

Я надела платье. Ткань скользнула по телу, как вода. Холодная. Тяжёлая. Опасная.

Подошла к зеркалу.

Из отражения на меня смотрела не та девушка, которая стояла здесь неделю назад в изумрудном платье. Не та, которая позволяла Тимуру прижимать себя к столешнице.

Другая.

Та, которая сама выбирает, когда нападать. Та, которая не ждёт удара — наносит его первой.

Я распустила волосы. Рыжая волна упала на плечи, закрыла открытую спину лишь наполовину. Волосы — единственная защита. И единственное украшение.

Никаких заколок. Никаких украшений — только браслет, который подарил Руслан. Виноградная лоза. *М.И.Р.*

Макияж — почти никакой. Тональный крем, чтобы скрыть синяки на запястьях. Тушь, чтобы сделать взгляд глубже. И помада. Коричнево-бордовая — в тон платью.

Моя помада.

Я смотрела на себя и почти узнавала.

— Сегодня ты не охотник, — сказала я своему отражению. — Сегодня ты — приманка.

Я улыбнулась. Холодно. Хищно. Красиво.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала я.

На пороге появился Руслан. В чёрном костюме, с тревогой в глазах. Он смотрел на меня долго — так, как смотрел в детстве, когда я разбила коленку, а он не знал, как мне помочь.

— Ты готова? — спросил он.

— Всегда, — ответила я.

Он протянул руку.

Я взяла её.

— Пойдём, — сказал он.

— Пойдём, — ответила я.

За дверью ждал коридор. За коридором — лестница. За

лестницей — выход.

А за выходом — он.

Тимур.

****Тимур.****

Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Десять тысяч восемьдесят минут.

Я работал. Как одержимый. Порты, контракты, переговоры. Встречи с поставщиками, подписание документов, проверка цифр. Глеб не успевал за мной — я требовал отчёты каждый час.

Но главного я не находил.

Информацию о ней.

Мелисса Лисовская. Моя будущая жена. Я знал о ней меньше, чем о любом своём враге.

Глеб приносил папки — одна другой тоньше. Даты рождения. Адреса. Счета. Старые школьные фотографии. И всё. Ни одного недавнего снимка. Ни одного интервью. Ни одно-

го упоминания в прессе.

— Это всё? — спрашивал я.

— Всё, — отвечал Глеб. — Её прошлое закрыто. Демид стёр его начисто.

Я бесился. Но ничего не мог сделать.

По ночам я не спал.

Она снилась мне. Каждую ночь. Рыжая. С изумрудными глазами. То с клинком в руке. То в уборной на мраморной столешнице. То просто стояла напротив и смотрела — пусто, холодно, так, что кровь стыла в жилах.

— Что ты со мной делаешь? — шептал я в темноту.

Ответа не было.

Я думал о ней. О её ударе. О её укусе. О её смехе, когда я впился зубами в её шею.

Я хотел забыть её — не мог.

Я хотел понять её — не получалось.

Я хотел увидеть её снова — и ненавидел себя за это.

Глеб заметил моё состояние.

— Вы сами не свой, — сказал он однажды.

— Знаю, — ответил я.

— Может, отменить вечер?

— Нет.

Я смотрел на снег за окном и думал: через несколько дней я увижу её. И тогда — будь что будет.

Я ждал.

Семь дней я только и делал, что ждал.

И работал. И не спал. И думал о ней.

Двадцать девятого я увижу её снова.

Двадцать девятого декабря, я не спал всю ночь.

Не в первый раз за эту неделю. Но сегодня — особенное. Сегодня я увижу её.

Я встал затемно, подошёл к окну. Снег перестал. Впервые за две недели. Серое утро смотрело на меня холодными глазами — как она сама.

— Хватит, — сказал я своему отражению в стекле. — Сегодня не день для слабости.

Отражение молчало. У него были разноцветные глаза — один голубой, один карий. И тёмные круги под ними.

Я отошёл от окна, прошёл в ванную. Ледяная вода обожгла лицо, разогнала остатки сна. Я смотрел на себя в зеркало — на небритую щетину, на жёсткие скулы, на глаза, которые видели слишком много.

— Ты — Тимур Левицкий, — сказал я себе. — Ты не дрожишь перед выходом.

Я выключил воду. Вытерся. Начал готовиться.

Глеб приехал за два часа до выхода. Я сидел в гостиной в халате, с чашкой чёрного кофе. Передо мной на столе лежали три галстука — чёрный, бордовый, серебряный.

— Выбирай, — сказал я, даже не поздоровавшись.

Глеб подошёл, посмотрел на галстуки.

— Бордовый, — сказал он.

— Почему?

— Потому что это цвет страсти. Цвет крови. Цвет опасности. Вы же хотите её напугать?

Я усмехнулся.

— Нет, — сказал я. — Я хочу, чтобы она поняла: я — её зеркало.

Я взял бордовый галстук, посмотрел на него, положил обратно.

— Чёрный, — сказал я. — Без галстука.

— Расстёгнутые пуговицы? — уточнил Глеб.

— Как в тот вечер, — кивнул я. — Когда я впервые её увидел.

Глеб ничего не сказал. Просто кивнул и отошёл к двери.

— Что по платью? — спросил я, делая глоток кофе.

— Ничего, — ответил Глеб. — Она так и не выбрала стилиста. Никто не видел. Даже наши люди в доме Лисовских не смогли узнать.

Я усмехнулся.

— Умная, — сказал я. — Не хочет, чтобы я знал.

— Или просто не хочет, чтобы вы думали о ней, — рискнул заметить Глеб.

— Слишком поздно, — я покачал головой. — Я только о ней и думаю.

Я допил кофе, поставил чашку на стол.

— Ладно, — сказал я. — Пора одеваться.

Я одевался медленно, словно надевал доспехи перед боем.

Чёрные брюки — идеально отглаженные, сидят как вли-

тые. Чёрная рубашка — шёлк, холодный на ощупь, скользит по пальцам. Я застегнул только две пуговицы снизу, оставив грудь открытой. Пусть видит шрамы. Пусть видит, что я тоже умею выживать.

Чёрный пиджак — на плечи, как броня. Ткань тяжёлая, дорогая, непроницаемая.

Я посмотрел на себя в зеркало.

Мужчина с разноцветными глазами смотрел на меня в ответ. Опасный. Собранный. Голодный.

Я не улыбнулся своему отражению. Не произнёс ни слова.

Просто взял со стола телефон. На экране — её старая фотография. Школьная. Рыжие волосы распущены, глаза — два зелёных огня. Единственное изображение, которое мне удалось найти.

— Сегодня, — сказал я тихо. — Сегодня я увижу тебя.

Я убрал телефон в карман.

— Цветы? — спросил Глеб из дверного проёма.

— Красные розы, — ответил я, не оборачиваясь. — Много.

— Сотня?

— Две.

Глеб кивнул и исчез.

Я остался один. Стоял перед зеркалом и смотрел на себя — на чёрный костюм, на открытую грудь, на разноцветные глаза.

— Она не боится тебя, — сказал я вслух. — Сегодня ты сделаешь так, чтобы она хотя бы задумалась.

Я поправил воротник. Заправил прядь волос, упавшую на лоб.

Вышел из спальни.

Глеб ждал в гостиной с планшетом в руках.

— Ещё четыре часа, — сказал он.

— Долго, — я сел в кресло.

— Вы умеете ждать, — напомнил Глеб.

— Умею, — согласился я. — Но не сегодня.

Я взял со стола досье Гордеева. Открыл. Фотография мужчины с седыми висками и холодными глазами смотрела на меня.

— Виктор Сергеевич Гордеев, — прочитал я вслух. — Старый партнёр Демида Лисовского. Предатель.

Я перелистывал страницы, впитывая информацию. Привычки. Слабости. Любовницы. Маршруты. Всё, что могло пригодиться.

Потом закрыл папку.

— Глеб, — сказал я.

— Да?

— Продолжай копать. Я хочу знать о нём больше, чем он сам.

— Понял, — Глеб кивнул.

Я встал, подошёл к окну.

За окном светало. Серое утро превращалось в серый день. Город внизу просыпался — машины, люди, суета.

Я смотрел на снег и думал о ней.

О её пустых глазах. О её холодных руках. О её голосе, который сказал: «я уже сломана».

— Сегодня, — прошептал я. — Сегодня я попробую понять, что ты такое, Мелисса Лисовская.

Я отошёл от окна.

— Глеб, — позвал я.

— Да?

— Машина готова?

— Будет через час.

— Хорошо, — я сел в кресло. — Я подожду.

Я взял телефон. На экране — её фотография.

Я смотрел на неё и думал: какая она сегодня?

В платье, которого я не видел. С макияжем, который выбрала сама. С улыбкой — фальшивой или настоящей?

Я не знал.

Но хотел узнать.

Я выключил телефон, откинулся на спинку кресла.

— Жди, лисичка, — сказал я в пустоту. — Я иду.

****Мелисса.****

Машина мягко катилась по заснеженным улицам.

Я сидела у окна, смотрела на проплывающие мимо фонари и не видела их. Перед глазами был он. Тот, кого я должна была ненавидеть. Тот, кого я ненавидела. Наверное.

Рядом со мной — Лиза. Она нервно теребила край своего платья — нежно-голубого, воздушного, такого нежного, что у меня сводило скулы. Мы такие разные. Она — свет. Я —

тьма.

Напротив — Руслан и отец.

Руслан смотрел на меня. В его глазах — тревога. Он не сказал ни слова с тех пор, как мы сели в машину. Просто смотрел. И я знала, что он видит больше, чем я хочу показывать.

Отец — холоден, как всегда. Изумрудные глаза — мои глаза — смотрели в окно, на город, на снег. Он не оборачивался. Не говорил. Не проверял, готова ли я. Он знал: я всегда готова.

Тишина в салоне была тяжёлой, почти осязаемой.

— Мелисса, — голос Лизы нарушил тишину.

Я повернула голову.

— Да?

— Ты... как ты?

Я усмехнулась. Как я? Хороший вопрос. Я не знала ответа.

— В порядке, — ответила я. Как всегда. Ложь, которая стала правдой. Или правда, которая стала ложью. Я уже не различала.

Лиза хотела спросить ещё что-то — я видела. Но Руслан чуть качнул головой, и она замолчала. Хорошая девочка. Послушная.

Отец заговорил первым.

— Сегодня вечером ты должна быть безупречной, — сказал он, не глядя на меня. — Никаких скандалов. Никаких эмоций. Ты — моя дочь. Ты — его невеста. Ты — лицо нашей семьи.

— Я знаю, — ответила я.

— Тимур будет рядом, — продолжил отец. — Не позорь меня. Не позорь его.

Я промолчала.

Руслан сжал челюсти — я видела, как заиграли желваки. Он хотел что-то сказать, но сдержался. Не при отце. Никогда не при отце.

Машина свернула к месту проведения вечера.

Я видела в окно освещённую лестницу, швейцаров в чёрных костюмах, мелькающие тени гостей за стеклянными дверями. Где-то там, внутри, он уже ждал. Или приедет позже.

— Выходим, — сказал отец.

Дверь открылась. Холодный воздух ударил в лицо — сухой, морозный, отрезвляющий.

Отец вышел первым. За ним — Руслан, который подал руку Лизе. Потом — я.

Я ступила на снег — каблук чуть провалились, но я удержала равновесие. Поправила платье — бордовое, струящееся, без рукавов. Открытая спина, приоткрытая шея. Старые шрамы на руках — на виду.

Я подняла голову. Выпрямила спину.

Отец взял меня под руку.

— Улыбайся, — сказал он сквозь зубы.

Я улыбнулась — той самой вежливой, фальшивой улыб-

кой, которой владела в совершенстве.

Мы пошли вверх по лестнице.

Двери открылись — и нас накрыло волной света, музыки и голосов.

Люминесцентные шары под потолком. Живая музыка — струнный квартет. Десятки камер — фотографы, журналисты, операторы. Сотни гостей.

Когда мы вошли, зал замер.

Я знала, почему. Не потому, что я была красива. А потому, что я — Мелисса Лисовская. Дочь Демида. Та, кого почти никогда не видят на публике. Та, о ком ходят слухи.

Отец вёл меня под руку — медленно, величественно. Руслан с Лизой шли следом.

Я чувствовала взгляды — сотни взглядов. Мужские — жадные, раздевающие. Женские — завистливые, оценивающие. И один — другой.

Тяжёлый. Опасный. Горячий.

Я подняла глаза и сразу нашла его.

Тимур стоял у колонны. Чёрный костюм, чёрная рубашка, расстёгнутые пуговицы. В одной руке — бокал с тёмной жидкостью. В другой — ничего.

Он не улыбался. Не подошёл.

Просто смотрел — как хищник на добычу, которая сама идёт в лапы.

Я не отвела взгляд.

Отец остановился. Отпустил мою руку.

— Иди к нему, — сказал он тихо. — Весь город смотрит.

Я сделала шаг вперёд. Один. Второй. Третий.

Тимур ждал. Он не двигался с места — заставлял меня подойти первой.

Мелкая игра. Детская.

Я усмехнулась про себя и подошла.

Остановилась напротив. В метре. Ни ближе.

— Добрый вечер, — сказала я.

— Добрый вечер, Мелисса, — ответил он.

Его разноцветные глаза скользнули по моему лицу — медленно, изучающе. Задержались на шраме на щеке — том, который оставил он. На секунду — не больше. Потом опустились ниже — на открытые плечи, на приоткрытую шею, на разрез платья.

— Бордовое, — сказал он. — Я не угадал.

— Ты пытался угадать? — я чуть приподняла бровь.

— Я думал о тебе, — ответил он. — Это не одно и то же.

Я промолчала.

Он протянул руку — ладонью вверх. Не приказ. Предложение.

— Идём? — спросил он. — Нас ждут. Фотографы, гости, твой отец. Весь этот цирк.

Я смотрела на его руку — на шрамы на пальцах, на тёплую кожу, на опасное спокойствие.

Я вложила свою ладонь в его.

Пальцы сомкнулись — уверенно, сильно. Не больно. Властно.

Он повёл меня в зал — под руку, как настоящую невесту. Я шла рядом, чувствуя тепло его тела через тонкую ткань платья.

Вспышки камер ослепляли. Гости шептались. Где-то позади шёл отец, Руслан, Лиза.

Но я смотрела только вперёд.

На него.

Игра началась.

Мы шли через зал медленно — под руку, как настоящая пара. Я чувствовала его пальцы на своей талии — чуть выше, чем позволяли приличия. Тимур не скрывал: она моя. Я не сопротивлялась. Сегодня это была моя роль.

Вспышки камер били по глазам. Гости шептались, провожали нас взглядами. Я улыбалась — той самой вежливой, фальшивой улыбкой, которую отрепетировала за тринадцать лет. Тимур рядом — серьёзный, собранный, опасный. Никакой улыбки. Только лёгкий изгиб губ, который можно было принять за усмешку.

— Ты слишком напряжена, — прошептал он, наклоняясь к моему уху.

— А ты слишком самоуверен, — ответила я, не разжимая губ.

— Это не самоуверенность. Это знание.

— Чего?

— Что сегодня ты никуда не денешься.

Я промолчала.

Мы остановились у центрального стола. Отец уже был там — разговаривал с каким-то партнёром, но краем глаза следил за нами. Руслан с Лизой заняли места чуть поодаль — брат бросил на меня быстрый взгляд, полный тревоги, но я покачала головой: не надо.

Тимур отодвинул для меня стул. Я села. Он — рядом. Ближе, чем следовало. Его колено коснулось моего под столом. Я не отдёрнула ногу.

— Ты сегодня молчаливая, — заметил он, беря со стола бокал шампанского.

— Мне нечего тебе сказать.

— А мне есть.

Я повернула голову, посмотрела ему в глаза.

— Говори.

Он усмехнулся. Отпил шампанское, поставил бокал.

— Ты прекрасна в этом платье, — сказал он. — Бордовый — цвет крови. Твоей или чужой?

— А ты как думаешь?

— Думаю, что и той, и другой.

Я не ответила.

К нам подошли первые гости — пожилая пара в бриллиантах, какие-то бизнесмены, женщины с хищными улыбками. Поздравления, комплименты, вопросы о свадьбе. Тимур отвечал за двоих — легко, вежливо, с той опасной харизмой, которая заставляла людей нервничать.

Я только улыбалась и кивала.

Но внутри всё кипело.

Его рука на моей талии — там, где ещё не до конца сошли синяки от его пальцев. Его дыхание — когда он наклонялся ко мне, делая вид, что шепчет что-то нежное. Его глаза — разноцветные, хищные, которые не отпускали меня ни на секунду.

Отец подозвал Тимура — какой-то партнёр хотел познакомиться. Тимур нехотя убрал руку с моей талии.

— Я скоро вернусь, — сказал он.

— Не торопись, — ответила я.

Он усмехнулся и отошёл.

Я осталась одна за столом. Взяла бокал шампанского, сделала глоток. Горько. Тепло. Не помогло.

Ко мне подсела Лиза.

— Как ты? — спросила она тихо.

— В порядке, — ответила я.

— Он... он ведёт себя прилично?

— Пока да.

Она посмотрела на мою талию — туда, где только что лежала его рука.

— А ты? Ты как?

Я не поняла вопроса.

— В каком смысле?

— Ты не отдёргиваешься, — сказала Лиза. — Когда он к тебе прикасается. Ты не злишься. Ты просто... стоишь.

Я задумалась.

— Я играю роль, — сказала я. — Как и ты.

— Я не про роль, — Лиза покачала головой. — Я про тебя.

Я не ответила. Потому что не знала, что ответить.

Лиза вздохнула, сжала мою руку под столом и отошла к Руслану.

Я осталась одна.

Сделала ещё глоток шампанского. Посмотрела на отца — он разговаривал с каким-то седовласым мужчиной, кивал, улыбался той же фальшивой улыбкой, что и я. Посмотрела на Руслана — он сидел, сжав челюсти, и смотрел в одну точку. Лизу он почти не слушал.

А потом я поймала себя на том, что мой взгляд скользит к колонне, где только что стоял Тимур.

Его там не было.

Я выдохнула. Свободна.

Но почему-то это не обрадовало.

Я разозлилась на себя. Зачем мне знать, где он? Какое мне дело? Я должна радоваться, что его нет рядом. Что его рука не лежит на моей талии. Что его дыхание не обжигает шею.

Я отвернулась к окну.

За стеклом — темнота, огни города, снег, которого больше нет.

Через несколько минут Тимур вернулся. Сел рядом. Не коснулся — просто сел. Но я чувствовала его присутствие всем телом.

— Не скучала? — спросил он. Голос — ровный, спокойный.

— Не по ком, — ответила я.

Он усмехнулся.

— Лгунья.

Я промолчала. Потому что он был прав. И это бесило больше всего.

Я смотрела в окно, делая вид, что меня не касается ниче-

го, что происходит в зале.

Тимур рядом молчал. Не прикасался. Не шептал. Просто сидел, и от этого его присутствие становилось только тяжелее.

Но тишина длилась недолго.

— Мелисса Демидовна? Тимур Арсеньевич?

Голос — молодой, бодрый, с той навязчивой вежливостью, которая бывает у людей, привыкших получать своё.

Я повернула голову.

Перед нами стоял молодой мужчина — лет двадцати пяти, светлые волосы зачесаны назад, серый костюм, в руке — блокнот и ручка. На груди — бейдж с надписью «Пресса». Журналист.

Он улыбался. Слишком широко. Слишком радушно.

— Добрый вечер, — сказал он, чуть склонив голову. — Меня зовут Алексей, я представляю «Деловой Петербург». Вы сегодня самая обсуждаемая пара вечера. Позвольте задать несколько вопросов?

Я посмотрела на Тимура. Он смотрел на журналиста. Без улыбки. Без угрозы. Просто изучал.

— Зависит от вопросов, — сказал Тимур.

Алексей нервно сглотнул, но улыбку не сбросил.

— Самые простые, — заверил он. — Вы — Мелисса Демидовна, впервые появляетесь на публике. Ваш отец — известный меценат. Как вам сегодняшний вечер?

Я выдержала паузу.

— Великолепный вечер, — сказала я ровно. — Рада быть здесь.

— А вы, Тимур Арсеньевич? — журналист перевёл взгляд. — Как вам компания вашей невесты?

Тимур усмехнулся — той своей опасной, ленивой усмешкой.

— Лучшая компания, которую можно представить, — ответил он. — Моя невеста сегодня затмевает всех.

Алексей что-то быстро записал в блокнот.

— Говорят, свадьба совсем скоро? — спросил он. — До Рождества?

Я чувствовала, как взгляд отца упёрся мне в спину. Он слушал. Оценивал. Контролировал.

— Да, — ответила я прежде, чем Тимур успел открыть рот. — Седьмого января.

— Вы счастливы? — выпалил Алексей и тут же испугался собственной смелости. — Простите, может быть, это слишком личный вопрос...

Я смотрела на него. На его живые глаза. На его искреннее любопытство. Он не знал, кто я. Не знал, что его вопрос мог стоить ему карьеры — или большего.

— Я выполняю свой долг, — сказала я. — Счастье — не главное в моём положении.

Алексей моргнул. Не ожидал такой откровенности.

Тимур повернул голову ко мне. В его разноцветных глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес? Я не стала разби-

рать.

— Моя невеста скромничает, — вмешался он, придвигаясь чуть ближе. — Мы счастливы. И ждём не дождёмся, когда сможем официально объявить о браке.

— Это правда? — спросил Алексей, глядя то на него, то на меня.

— Правда, — сказала я. И улыбнулась — той самой вежливой, фальшивой улыбкой.

Алексей что-то записал. Поблагодарил. Отошёл.

Я выдохнула.

— Жёстко, — сказал Тимур, когда журналист скрылся в толпе. — «Я выполняю свой долг». Ты хочешь, чтобы завтра все газеты писали, что ты несчастная невеста?

— Мне всё равно, что пишут газеты, — ответила я.

— А твоему отцу — нет.

Я промолчала. Потому что он был прав.

— Следующий раз, когда кто-то спросит, счастлива ли ты, улыбнись, — сказал он. — И скажи «да». Даже если это ложь.

— Я умею лгать, — ответила я. — Не учи.

Он усмехнулся.

— Я и не учу, лисичка. Я просто наблюдаю.

Он отодвинулся. Взял бокал. Сделал глоток.

Я смотрела на зал, на гостей, на вспышки камер.

И думала: почему, когда он сказал «мы счастливы», у меня на секунду замерло сердце?

Я не должна была чувствовать ничего.

Но чувствовала.

И это пугало больше, чем его клинок.

Я выскользнула из-за стола, когда Тимур отвлёкся на очередного партнёра.

Отец был занят. Руслан с Лизой танцевали. Никто не за-

метил моего ухода — или сделал вид, что не заметил. Мне было всё равно.

Мне нужна была тишина.

Хотя бы на пять минут.

Дамская комната находилась в конце длинного коридора — отделанная мрамором, с мягким светом и огромными зеркалами. Я толкнула дверь, вошла — и замерла.

Там уже были женщины.

Трое. Дорогие платья, идеальная укладка, бриллианты на шеях и пальцах. Те, кого я видела за столиками в зале — жёны партнёров отца, светские львицы, которые не работают, не стреляют, не выживают. Они просто существуют. Украшают собой чужие вечера.

Они смотрели на меня.

Я — на них.

Повисла неловкая тишина. Я хотела развернуться и уйти — но дверь за мной уже закрылась. И если я выйду сейчас, они подумают, что я испугалась. Или что я считаю себя выше

них. И то, и другое — проблемы.

Я прошла к раковине, включила воду. Делая вид, что мне нет до них дела.

Но они не молчали.

— Мелисса Лисовская, — сказала одна — блондинка в изумрудном платье (ирония судьбы). — Мы вас не узнали сначала. Вы так редко бываете на публике.

Я выключила воду. Посмотрела на себя в зеркало — бледная, собранная, чужая.

— Я занятой человек, — ответила я.

— Слышали, — вторая, брюнетка с хищными глазами, поправила локон. — Ваш отец говорит, вы помогаете ему с бизнесом. Это правда?

— Правда.

— И чем именно вы занимаетесь? — спросила третья — рыжая, как я, но с более светлым оттенком волос. — Мы так и не поняли.

Я повернулась к ним лицом.

— Тем, чем отец просит.

Они переглянулись.

— Вы не похожи на деловую женщину, — сказала блондинка. — Вы слишком... хрупкая.

Я чуть не рассмеялась. Хрупкая. Если бы они знали.

— Я просто хорошо выгляжу, — сказала я.

Брюнетка усмехнулась.

— Вы так и не ответили на вопрос, который всех волнует, — сказала она, делая шаг ко мне. — Почему вы скрывались все эти годы? Вас не было видно. Ни на вечерах, ни на благотворительных акциях, ни даже в ресторанах. Что вы делали? Где вы были?

Я смотрела на неё.

Тринадцать лет. Они хотят знать, где я была тринадцать лет.

— Вам правда интересно? — спросила я.

— Конечно, — она улыбнулась. — Мы же все здесь свои.

Свои. Я почти рассмеялась.

— Я была дома, — сказала я. — Училась. Тренировалась. Помогала отцу.

— И всё? — не поверила блондинка.

— И всё.

— Но почему вы не выходили в свет? — не отставала брюнетка. — Ваша мать... она ведь была душой общества до своей смерти.

При упоминании матери у меня внутри всё сжалось. Но лицо не дрогнуло.

— Моя мать умерла, — сказала я ровно. — А я не люблю шумные мероприятия. До сегодняшнего вечера.

Рыжая женщина смотрела на меня с подозрением.

— Вы странная, — сказала она. — Не такая, как мы ожидали.

— А какой вы меня ожидали? — спросила я.

— Более... живой, — призналась она. — Вы выглядите так, будто вас нет здесь. Будто вы смотрите на нас сквозь стекло.

Я промолчала.

Потому что она была права.

Я смотрела сквозь них. Сквозь этот вечер. Сквозь весь этот фальшивый мир.

— Я устала, — сказала я. — Прошу меня извинить.

Я развернулась и вышла из дамской комнаты.

Но в коридоре остановилась.

Прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза.

— Живой, — прошептала я. — Они хотят, чтобы я была живой.

Я открыла глаза.

Тимур стоял в другом конце коридора. Смотрел на меня.
Ждал.

— Всё в порядке? — спросил он, когда я подошла.

— В полном, — ответила я. — Женщины... они всегда женщины.

— Что они хотели?

— Узнать, почему я пряталась тринадцать лет.

— И что ты ответила?

— Что не пряталась. Что была занята.

Тимур усмехнулся.

— Ты не солгала.

— Я вообще редко лгу, — сказала я. — Я просто не всё говорю.

Он протянул руку. Я взяла.

И мы вернулись в зал — под руку, как настоящая пара.

А женщины в дамской комнате ещё долго обсуждали меня. Моё платье. Мои глаза. Мою странную, пустую улыбку.

И то, почему я выглядела так, будто уже умерла.

Но они никогда не узнают правды.

Никто не узнает.

Мы шли по коридору обратно в зал. Тимур не задавал вопросов — только держал меня под руку, и его пальцы были тёплыми даже через ткань платья. Я чувствовала на себе его взгляд — изучающий, тяжёлый, но молчаливый. Он ждал. Не знаю чего. Может быть, того, что я сама захочу рассказать. Или просто наблюдал, как хищник за добычей, которая ещё не поняла, что уже в клетке.

Двери распахнулись, и нас снова накрыло волной музыки, голосов, света.

— Ты как? — спросил Тимур, когда мы вернулись к столу.

— Я в порядке, — ответила я.

— Ты всегда в порядке, — сказал он.

Это не было вопросом. Это было утверждением. И от этого стало почему-то горько.

Отец поднял глаза, когда я села. Окинул меня быстрым взглядом — проверил, всё ли в порядке. Не спросил, где я была. Не спросил, почему ушла. Ему было достаточно, что я вернулась. И что Тимур рядом.

Руслан наклонился ко мне через стол.

— Всё хорошо? — спросил он тихо.

— Да, — ответила я. — Просилась в дамскую комнату. Женщины... они всегда женщины.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Не поверил. Но не стал спрашивать.

Лиза поймала мой взгляд и робко улыбнулась. Я ответила тем же.

Тимур сел рядом. Взял со стола бокал, сделал глоток. Помолчал. Потом сказал, не глядя на меня:

— Ты держишься хорошо.

— Я всегда держусь хорошо, — ответила я.

— Это не одно и то же.

Я не поняла.

— Что?

— Держаться хорошо и быть в порядке — разные вещи, — он повернулся ко мне. — Ты держишься хорошо. Но ты не в порядке.

Я смотрела на него. На его разноцветные глаза. На спокойное, уверенное лицо. Он видел то, что другие не замечали. Или замечали, но молчали.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

— Я наблюдаю, — ответил он. — Это моя работа.

Я усмехнулась.

— Твоя работа — порты и оружие.

— Моя работа — знать людей, с которыми я имею дело, — поправил он. — А ты, Мелисса Лисовская, — самый интересный человек, которого я встретил за последние годы.

— Мне жаль, что твоя жизнь такая скучная, — ответила я.

Он усмехнулся.

— Не жаль. Ты делаешь её интереснее.

Я отвернулась.

Не хотела, чтобы он видел моё лицо. Не хотела, чтобы он читал меня как открытую книгу.

Я не должна была чувствовать ничего. А чувствовала слишком много.

Через полчаса отец подозвал меня.

Не позвал — подозвал. Кивком головы, как собаку. Я оставила Тимура у стола и подошла к колонне, где отец стоял в тени. Подальше от камер. Подальше от чужих глаз.

— Ты сегодня на высоте, — сказал он. Голос — ровный, холодный.

Я знала эту интонацию. Это была не похвала.

— Спасибо, отец.

— Тимур доволен. Партнёры заметили вас. Это хорошо для семьи.

Я кивнула. Ждала.

— Но, — он сделал шаг ближе. — Вечер ещё не закончился. Ты уходила. В дамскую комнату. Надолго.

— Мне нужно было...

Я не успела договорить.

Его пальцы сжали моё запястье — там, где под платьем уже темнели старые синяки от пальцев Тимура. Теперь сверху лягут новые. Отец не сжимал — он впивался. Ногти врезались в кожу.

— Я не спрашивал, зачем тебе нужно было, — сказал он тихо. С той страшной, ледяной вежливостью, от которой у меня внутри всё переворачивалось. — Я сказал: вечер ещё не закончился. Ты поняла?

— Да, отец, — ответила я. Голос не дрожал. Я давно разучилась дрожать перед ним.

— Ты поняла? — повторил он. Сильнее.

— Да, отец.

Он отпустил моё запястье. Я не потеряла его. Не показала, что больно. Он не любил, когда я показывала боль.

— Хорошо, — он отступил на шаг. — Возвращайся к жениху. И улыбайся. Весь город смотрит.

— Да, отец.

Я развернулась. Сделала шаг.

— Мелисса.

Я замерла.

— Если ты ещё раз уйдёшь без спроса, я устрою тебе вечер не здесь. А дома. В подвале. Ты меня поняла?

Я сглотнула. Но голос не дрогнул.

— Да, отец.

— Иди.

Я пошла.

Каждый шаг отдавался болью в запястье — там, где его пальцы оставили новые следы. Но я не обернулась. Не замедлила шаг. Не позволила себе показать, что он меня достал.

Никогда.

Я села на своё место. Взяла бокал шампанского, сделала глоток. Рука не дрожала. Я не позволяла.

Тимур разговаривал с кем-то из партнёров — не смотрел на меня. Отец ушёл в другой конец зала. Руслан танцевал с Лизой. Никто не заметил. Никто не спросил.

Моё запястье горело огнём. Но лицо оставалось спокойным. Улыбка — вежливой. Глаза — пустыми.

Я справлюсь. Я всегда справлялась.

Когда партнёр отошёл, Тимур повернулся ко мне.

— Ты сегодня слишком молчалива, — сказал он.

— А что я должна делать? Плясать на столе? — ответила я.

Он усмехнулся.

— Можно и плясать. Я бы посмотрел.

Я медленно повернулась к нему. Посмотрела в его разноцветные глаза — долго, изучающе, с лёгким прищуром. На моих губах зазмеилась тонкая, едва заметная улыбка — не та фальшивая, вежливая, которую я дарила гостям. Другая. Хищная. Опасная.

— Если я буду плясать на столе, — сказала я тихо, так, чтобы слышал только он, — ты будешь не смотреть. Ты будешь собирать мои вещи с пола. Потому что после моего танца на этом столе не останется ни одного целого бокала.

Он замер. На секунду его лицо потеряло привычное выражение спокойной уверенности.

Я сделала глоток шампанского, не отводя взгляда.

— И кстати, — добавила я, — я никогда не пляшу бесплатно. Готовь чековую книжку, Левицкий.

Он смотрел на меня. Долго. В его разноцветных глазах зажглось что-то — удивление? Восхищение? Голод?

— А ты умеешь удивлять, — сказал он наконец.

— А ты умеешь повторяться, — ответила я. — Это уже третья вариация на тему «ты не такая, как я думал». Придумай что-нибудь новое.

Он усмехнулся — но не той снисходительной усмешкой, что раньше. А почти уважительно.

— Хорошо, — сказал он. — Придумаю.

Я отвернулась. Поставила бокал на стол.

Внутри всё кипело. Но лицо было спокойным.

Я — Мелисса Лисовская. Я не прогибаюсь. Даже под взглядом хищника с разноцветными глазами.

Особенно под ним.

Вечер продолжался. Музыка играла, гости танцевали, камеры щёлкали. Отец наблюдал. Руслан тревожился. Лиза улыбалась — фальшиво, но старательно.

А я сидела рядом с Тимуром и чувствовала, как между нами натягивается невидимая нить. Не любовь. Не ненависть. Что-то другое. Что-то, чему я не знала названия.

Он больше не прикасался ко мне. Не шептал на ухо. Не задавал вопросов.

Просто сидел рядом. И смотрел.

Я не смотрела на него. Я смотрела в зал — на людей, на свет, на эту фальшивую сказку, в которой мне отведена главная роль.

Но краем глаза я видела его профиль. Жёсткий. Сосредоточенный. Опасный.

Он не улыбался. И я не улыбалась.

И в этом молчании, в этом напряжении, в этом воздухе, который стал слишком плотным, чтобы дышать, было что-то настоящее.

Не фальшивое.

Не вежливое.

Не пустое.

Я не знала, что это. И боялась узнать.

Но знала одно: этот вечер изменил что-то во мне. И в нём.

И обратного пути не будет.

За окном, за тяжёлыми шторами, падал снег.

Я смотрела на него — на снег, на темноту, на отражение зала в стекле. И видела там нас. Двух хищников в одной клетке. Двух врагов, которые почему-то не могли оторваться друг от друга.

— Мелисса, — голос Тимура был тихим.

Я повернула голову.

— Что?

— Ничего, — сказал он. — Просто хотел услышать, как

ТЫ ОТВЕТИШЬ.

Я усмехнулась.

— Ты странный.

— А ты опасная, — ответил он. — И это мне в тебе нравится больше всего.

Я не ответила.

Отвернулась к окну.

Снег падал. Тишина между нами становилась тяжёлой, но не чужой.

Глава 5

****Глава 5.****

****Мелисса.****

Музыка стихла. Свет в зале приглушили. На сцену поднялся распорядитель вечера — высокий, седовласый, с бархатным голосом человека, который привык говорить с толпой. В его руках был микрофон. В глазах — предвкушение.

— Дамы и господа, — начал он, и зал притих. — Сегодняшний вечер близится к своему самому яркому моменту. Как вы знаете, наш благотворительный фонд собирает средства на поддержку детских домов. И у нас есть традиция: самый ожидаемый номер вечера — танец самой обсуждаемой пары.

Он сделал паузу. Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— В этом году, — продолжал распорядитель, — у нас нет сомнений, кого назвать. Тимур Левицкий и Мелисса Лисовская! Прошу вас на паркет.

Вспышки камер ударили одновременно. Зал взорвался аплодисментами — кто-то искренне, кто-то из вежливости, кто-то с затаённым злорадством.

Я не пошевелилась.

Тимур повернулся ко мне. Его разноцветные глаза смот-

рели спокойно, без тени сомнения.

— Не бойся, — сказал он тихо. — Это всего лишь танец.

— Я не боюсь, — ответила я.

— Знаю. Просто напоминаю.

Он встал. Протянул руку.

Я смотрела на его ладонь — широкую, с длинными пальцами, без перстней. Простую. Опасную. Тёплую. Я помнила, как она сжимала моё запястье в уборной. Как впивалась в мою талию. Как сейчас — лежала на столе, ожидая.

Я вложила свою ладонь в его.

Он помог мне встать. Повёл в центр зала — под сотнями взглядов, под вспышками камер, под шёпот толпы.

Мы остановились в центре паркета. Свет погас почти полностью — только один луч бил на нас, выхватывая из темноты.

Оркестр затих.

Распорядитель объявил:

— Вальс.

И заиграла музыка.

Тимур притянул меня к себе. Не близко — как положено по этикету. Соблюдая дистанцию. Но я чувствовала тепло его тела даже на расстоянии.

— Ты справишься, — сказал он.

— Я всегда справляюсь, — ответила я.

— Знаю.

Он сделал первый шаг. Я — следом.

Мы танцевали. Медленно. Плавно. Круг за кругом. Я смотрела на его грудь — на чёрную рубашку, на бледную кожу в вырезе, на едва заметные шрамы. Он смотрел на моё лицо — на изумрудные глаза, на шрам на щеке, на тонкую линию губ.

— Ты красивая, — сказал он.

— Ты говорил это уже сегодня.

— Я могу повторять.

Я промолчала.

Он крутанул меня — платье взметнулось, открывая разрез. Я услышала вздох толпы. Тимур притянул меня обратно.

— Они смотрят, — сказал он.

— Я знаю.

— Им нравится.

— Им всё равно, — ответила я. — Им просто нужен спектакль.

— Тогда давай устроим им спектакль, — сказал он.

Он прижал меня чуть ближе. Я не сопротивлялась.

Музыка затихала. Последние аккорды разносились под потолком.

Тимур остановился. Не отпустил меня.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За танец.

Я смотрела в его разноцветные глаза и не понимала: он играет или говорит правду?

Аплодисменты взорвали зал.

Тимур отпустил меня. Я сделала шаг назад.

Мы поклонились — синхронно, как настоящая пара.

И пошли к столу — под руку, с вежливыми улыбками, с пустыми глазами.

Но внутри меня что-то изменилось.

Я не знала — что.

Но знала, что этот вечер я запомню надолго.

Не из-за камер. Не из-за отца. Не из-за гостей.

Из-за него.

Из-за того, как он смотрел на меня во время танца.

Из-за того, что я хотела, чтобы он смотрел дальше.

И ненавидела себя за это.

Аплодисменты стихли. Камеры продолжали щёлкать, но уже не так часто — самые яркие кадры были сняты, и теперь гости возвращались к своим столам, к своим бокалам, к своим разговорам.

Тимур вёл меня обратно. Его рука лежала на моей пояснице — уверенно, спокойно, без лишней настойчивости. Он не смотрел на меня. Я смотрела прямо перед собой.

Мы сели за стол. Я взяла бокал с водой — шампанское больше не лезло. Сделала глоток. Лёд звякнул о стекло.

— Ты хорошо танцуешь, — сказал Тимур.

— Ты удивлён? — спросила я.

— Нет, — он покачал головой. — Я перестал удивляться тебе после первой нашей встречи.

Я не ответила.

Отец наблюдал издалека. Его лицо было непроницаемым, но я знала — он доволен. Танец удался. Обсуждаемая пара отработала свой номер. Все счастливы.

К нам подошла Лиза. Её лицо раскраснелось после танцев, глаза блестели.

— Вы были великолепны! — сказала она, чуть задыхаясь от восторга. — Я никогда не видела такого красивого танца!

— Спасибо, — ответила я ровно.

— Правда-правда! — она посмотрела на Тимура, потом на меня. — Вы так смотрите вместе...

Она осеклась, поняв, что сказала лишнее. Руслан, подоспевший следом, мягко взял её за локоть.

— Лиза, пойдём, — сказал он тихо. — Там наш столик.

Она кивнула, бросила на меня извиняющийся взгляд и ушла с ним.

Я осталась сидеть. Тимур — рядом.

— Твоя свояченица — милая девушка, — заметил он.

— Она не моя свояченица, — ответила я. — Пока нет.

— Скоро будет.

Я промолчала.

Он взял со стола свой бокал, сделал глоток. Виски. Я чувствовала запах — терпкий, горький, мужской.

— Ты сегодня ни разу не улыбнулась по-настоящему, — сказал он.

— А ты сегодня ни разу не сказал ничего, что стоило бы

настоящей улыбки, — ответила я.

Он усмехнулся.

— Справедливо.

Он поставил бокал. Повернулся ко мне.

— Знаешь, Мелисса, — сказал он, — я думал, что этот вечер будет скучным. Фальшивые улыбки, пустые разговоры, обязательные танцы. Но ты... ты делаешь его интересным.

— Это комплимент?

— Это констатация факта.

Я посмотрела на него.

— Ты странный, Тимур.

— Я знаю, — ответил он.

Мы смотрели друг на друга. В его разноцветных глазах не было вызова. Не было угрозы. Было что-то другое — что-то, что я не умела называть.

Я отвела взгляд первой.

Потому что боялась, что, если не отведу — не смогу оторваться.

Через час распорядитель снова вышел на сцену.

— Дамы и господа, — объявил он с той же фальшивой теплотой, что и в начале вечера. — Наш благотворительный вечер подходит к своей финальной стадии. Мы собрали уже более пяти миллионов на поддержку нуждающихся...

Я усмехнулась про себя. Нуждающихся. Если бы они знали, куда на самом деле уходят эти деньги. Не в детские дома. Не в больницы. Не в приюты для бездомных животных. А в

карманы тех, кто сегодня сидит в этом зале в бриллиантах и дорогих костюмах.

«Благотворительность» была просто ширмой. Красивой вывеской для отмывания денег, дележа сфер влияния и покупки нужных связей. Все здесь это знали. И никто не говорил вслух.

Тимур повернулся ко мне.

— Скучаешь? — спросил он тихо.

— Я не скучаю, — ответила я. — Я наблюдаю.

— За чем?

— За тем, как взрослые люди играют в благотворителей, зная, что их деньги пойдут на очередную партию оружия или на взятку нужному чиновнику.

Тимур усмехнулся.

— Цинично.

— Реалистично, — поправила я.

Он взял со стола свой бокал, сделал глоток.

— А ты? — спросил он. — Ты играешь?

— Я здесь по приказу отца, — ответила я. — Это не игра. Это работа.

— А со мной? Ты тоже работаешь?

Я посмотрела на него.

— А ты? — спросила я в ответ.

Он не ответил. Только смотрел — долго, изучающе, как в первый раз.

— Ладно, — сказал он наконец. — Не хочешь говорить

— не говори.

Аукцион продолжался. Лоты сменяли друг друга: картины, скульптуры, антиквариат, которые никто не собирался вешать на стены или ставить на полки. Просто очередная возможность перевести деньги из одного кармана в другой.

— Ты будешь что-то покупать? — спросил Тимур.

— А смысл? — ответила я. — Мои деньги всё равно вернутся в ту же систему. Это замкнутый круг.

Он кивнул. Поставил бокал.

— Я куплю один лот, — сказал он.

— Зачем?

— Затем, что от меня ждут, — ответил он. — Я — новое лицо в этом кругу. Я должен показать, что умею играть по их правилам.

Я смотрела на него. В его разноцветных глазах не было азарта. Не было жадности. Была холодная, трезвая расчётливость.

— Ты умнее, чем кажешься, — сказала я.

— А я и не кажусь умным, — ответил он. — Я кажусь опасным. Это важнее.

Он поднял руку с номерком, когда объявили очередной лот — старинные часы с бриллиантами. Назвал цену. Никто не стал перебивать.

Я смотрела, как он подписывает документы, как улыбается распорядителю, как кивает партнёрам за соседними столами.

Он вписывался. Легко. Свободно. Как будто всегда был здесь.

Но я знала — он такой же чужой в этом мире, как и я. Просто лучше прячет.

Аукцион шёл своим чередом. Я уже потеряла счёт лотам, когда распорядитель объявил следующий.

Аукцион продолжался. Лоты сменяли друг друга: картины, скульптуры, антиквариат, которые никто не собирался вешать на стены или ставить на полки. Просто очередная возможность перевести деньги из одного кармана в другой.

— Ты будешь что-то покупать? — спросил Тимур.

— А смысл? — ответила я. — Мои деньги всё равно вернутся в ту же систему. Это замкнутый круг.

Он кивнул. Поставил бокал.

— Я куплю один лот, — сказал он.

— Зачем?

— Затем, что от меня ждут, — ответил он. — Я — новое лицо в этом кругу. Я должен показать, что умею играть по их правилам.

Я смотрела на него. В его разноцветных глазах не было азарта. Не было жадности. Была холодная, трезвая расчётливость.

— Ты умнее, чем кажешься, — сказала я.

— А я и не кажусь умным, — ответил он. — Я кажусь опасным. Это важнее.

Он поднял руку с номерком, когда объявили очередной

лот — старинные часы с бриллиантами. Назвал цену. Никто не стал перебивать.

Я смотрела, как он подписывает документы, как улыбается распорядителю, как кивает партнёрам за соседними столами.

Он вписывался. Легко. Свободно. Как будто всегда был здесь.

Но я знала — он такой же чужой в этом мире, как и я. Просто лучше прячет.

Аукцион шёл своим чередом. Я уже потеряла счёт лотам, когда распорядитель объявил следующий.

— А теперь, дамы и господа, — его голос стал сладким, как патока, — лот для настоящих ценителей прекрасного. Ужин с Мелиссой Лисовской в ресторане «Зимний сад» на двоих. Все средства идут в благотворительный фонд.

Я замерла.

Зал зашумел. Зашептался. Заулыбался.

Я повернулась к Тимуру. Он не смотрел на меня. Смотрел на сцену. Его челюсть была сжата так, что на скулах заходили желваки. Пальцы впились в подлокотник кресла — побелели костяшки.

— Ты знал? — спросила я тихо.

— Нет, — ответил он сквозь зубы. — Не знал.

— Организаторы не спросили?

— Я бы не согласился.

Я смотрела на него. В его разноцветных глазах горела хо-

лодная, тяжёлая ярость. Не на меня. На тех, кто посмел выставить его невесту на торги, как вещь.

— Ты злишься, — сказала я.

— Я в бешенстве, — ответил он.

— Хорошо, — сказала я. — Хотя бы не мне одной сегодня тошно.

Он не ответил.

На сцене распорядитель продолжал:

— Начальная ставка — пятьсот тысяч рублей.

Зал оживился. Кто-то поднял номерок.

— Шестьсот тысяч.

Тимур сидел неподвижно. Но я видела — он считает. Прочитывает. Решает.

— Семьсот тысяч.

Ещё один номерок.

— Миллион.

Тимур не двигался.

— Два миллиона, — раздался голос откуда-то из первого ряда.

Тимур повернул голову. Я проследила за его взглядом.

Мужчина лет пятидесяти. Дорогой костюм. Наглый взгляд. Андрей Викторович Соболев. Свой человек. Или нет. Я не помнила. Но Тимур, кажется, знал его.

— Три миллиона, — сказал Тимур. Голос — ровный, спокойный. Но я чувствовала — внутри него всё кипит.

Зал затих.

— Три миллиона раз, — объявил распорядитель. — Два...

— Четыре, — бросил Соболев, даже не обернувшись.

Тимур усмехнулся. Холодно. Опасно.

— Десять, — сказал он.

Зал ахнул.

Распорядитель замялся.

— Десять миллионов, — переспросил он.

— У вас проблемы со слухом? — Тимур посмотрел на него. — Я сказал — десять.

Больше никто не поднял руку.

— Лот продан, — объявил распорядитель. — Ужин с Мелиссой Лисовской достаётся Тимуру Левицкому за десять миллионов рублей.

Зал зааплодировал. Кто-то — удивлённо, кто-то — восхищённо, кто-то — с затаённым злорадством.

Тимур сидел, не двигаясь. Его профиль был высечен из камня.

— Ты переплатил, — сказала я.

— Знаю, — ответил он.

— Зачем?

Он повернулся ко мне. В его разноцветных глазах всё ещё горела ярость. Но была в ней и что-то ещё. Что-то, чего я не умела называть.

— Потому что никто, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только я, — никто не будет покупать мою невесту, как вещь. Даже на благотворительном вечере. Даже ради прили-

чий.

Я смотрела на него.

Он заплатил десять миллионов не за ужин со мной.

Он заплатил за то, чтобы показать всем: я — его. И трогать меня нельзя.

Это была не забота. Это была собственничество. Власть. Контроль.

Но почему-то внутри меня что-то дрогнуло.

Я не позволила себе это чувствовать.

— Ты идиот, — сказала я.

— Возможно, — согласился он.

Он взял бокал. Сделал глоток. Виски кончился.

— Глеб, — позвал он помощника, стоявшего за стулом.

— Ещё.

Глеб кивнул и исчез.

Я смотрела на Тимура.

Он смотрел в зал.

Между нами снова натянулась та невидимая нить — напряжения, войны, чего-то неуловимого.

Я не знала, что это.

Но знала, что этот вечер я запомню надолго.

Не из-за камер.

Не из-за отца.

Не из-за гостей.

Из-за того, как он заплатил десять миллионов, чтобы никто другой не прикоснулся ко мне.

Даже к моему времени.

Даже к моему имени.

Даже к тени моего внимания.

Я ненавидела его за это.

Но почему-то не могла заставить себя отвернуться.

Аукцион закончился. Гости снова рассредоточились по залу — кто-то танцевал, кто-то пил, кто-то обсуждал сделки под видом светской беседы.

Тимур разговаривал с каким-то партнёром. Отец стоял у дальней стены в окружении своих людей. Руслан с Лизой кружили в медленном танце.

Я осталась одна за столом.

Внутри всё кипело — от его взглядов, от его поступка, от этих десяти миллионов, которые он швырнул, чтобы никто другой не посмел претендовать на ужин со мной. От того, что это вызвало во мне не только злость.

Мне нужно было выйти.

Не в уборную — там снова могут быть женщины с их вопросами, с их жалостью, с их фальшивыми улыбками. Не к отцу — он только что приложил руку к моему запястью, и оно всё ещё болело. Не к Руслану — он слишком хорошо меня знал, он бы увидел лишнее.

Мне нужно было на воздух. В темноту. В холод. В тишину.

Я встала. Тимур не заметил — он был увлечён разговором. Отец тоже. Руслан танцевал.

Я выскользнула из зала через боковой выход — туда, где

не было охраны, где не было камер, где никто не смотрел.

Коридор. Ещё один. Лестница. Чёрный ход.

Я толкнула дверь и вышла на улицу.

Воздух.

Холод ударил в лицо — сухой, морозный, отрезвляющий.

Здесь не было снега. Снег перестал несколько дней назад, и двор был расчищен, только лёд блестел на асфальте под светом фонарей.

Я отошла от входа подальше — туда, где не было видно из окон. Где меня не могли заметить гости. Где не было никого.

Только темнота. Только холод. Только я.

Я достала сигареты.

Тонкие, ментоловые. Те самые, которые курила иногда на могиле матери. Которые никто не знал — даже Руслан. Даже Лиза. Даже отец.

Я не хотела, чтобы кто-то знал. Это была моя маленькая слабость. Моя маленькая тайна.

Я закурила.

Глубоко вдохнула. Ментол обжѐг горло, холод обжѐг лёгкие. Дым клубился в воздухе, поднимался к чёрному небу, растворялся в темноте.

Я смотрела на него и думала.

О матери. О том дне. О себе.

О Тимуре.

О том, как он сжал челюсти, когда объявили лот. О том, как его пальцы впились в подлокотник. О том, как он сказал:

«никто не будет покупать мою невесту».

— Зачем ты здесь? — раздался голос из темноты.

Я не вздрогнула. Не обернулась.

— Курю, — ответила я.

— Я вижу, — голос приблизился.

Тимур вышел из тени. Чёрный костюм, чёрная рубашка, расстёгнутые пуговицы — он сливался с темнотой. В одной руке — сигарета. Уже зажжённая.

— Ты курил на дне рождения, — сказала я, не глядя на него. — Я помню запах. Табак, виски.

— Память у тебя хорошая, — он встал рядом. Не близко. На расстоянии.

— Я запоминаю всё, — ответила я.

Он затянулся. Выдохнул дым в сторону — не в меня.

— Как ты меня нашёл? — спросила я.

— Ты ушла, я заметил. Пошёл за тобой. Ты моя невеста, мне не нужны проблемы с твоим отцом, если с тобой что-то случится.

Я усмехнулась.

— Забота?

— Контроль, — поправил он. — Не путай.

— Я и не путаю.

Он сделал ещё одну затяжку.

— Ментол, — сказал он, принохиваясь. — Серьёзно? Из всего, что можно курить, ты выбрала ментол?

— А что ты предлагаешь? Табак, от которого воняет на

весь двор?

— Табак, от которого не сосёт под ложечкой через пять минут, — ответил он.

— У меня не сосёт, — сказала я.

— Врёшь.

Я повернулась к нему. Посмотрела в глаза.

— А ты проверь.

Он усмехнулся. Холодно. Опасно.

— Не лезь, — сказал он. — Я не в том настроении, чтобы играть в твои игры.

— А я играю? — я выпустила дым ему в лицо.

Он не моргнул. Не отвернулся.

— Ты играешь с огнём, Мелисса.

— А ты думаешь, я боюсь обжечься?

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я начала считать удары собственного сердца.

— Нет, — сказал он наконец. — Не боишься. В этом и проблема.

Он выбросил сигарету. Растоптал. Сделал шаг ко мне — теперь ближе.

— Слушай сюда, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Ты можешь курить что хочешь. Можешь выходить куда хочешь. Можешь смотреть на меня как на пустое место. Но не смей играть со мной в эти игры. Потому что если я решу, что ты играешь, я отвечу. И тебе не понравится мой ответ.

— Угрожаешь? — спросила я.

— Предупреждаю, — ответил он. — Это разные вещи.

Я затушила сигарету о перила. Посмотрела на него.

— Предупреждение принято, — сказала я. — А теперь отойди. Я иду в зал.

— Иди, — он отошёл на шаг. — Я за тобой.

— Следишь?

— Контролирую, — поправил он. — Забыла?

Я пошла к двери, не оборачиваясь. Слышала его шаги сзади — ровные, спокойные, неотступные.

Он не должен был идти за мной.

Но он шёл.

И я не знала, что со мной делает тот факт, что я не хотела, чтобы он уходил.

Это пугало.

Но я не показывала.

Никогда.

Мы вошли в здание через тот же чёрный ход. Тимур шёл за мной — не рядом, но достаточно близко, чтобы я чувствовала его присутствие.

Коридор. Ещё один коридор. Лестница.

У дверей в зал я остановилась.

— Зайди первым, — сказала я, не оборачиваясь.

— Почему?

— Потому что вместе мы привлечём слишком много внимания. И без того весь вечер только и делают, что смотрят на нас.

— Пусть смотрят, — ответил он. — Я не стесняюсь.

— А я не люблю быть под прицелом.

Он усмехнулся.

— Ты всегда под прицелом, Мелисса. Просто не всегда это замечаешь.

Я ничего не ответила. Толкнула дверь и вошла в зал — одна.

Музыка играла, гости танцевали. На меня никто не обратил внимания — или сделал вид. Я прошла к столу, села на своё место.

Через минуту появился Тимур. Сел рядом. Взял бокал. Сделал глоток.

Мы молчали.

Отец наблюдал из другого конца зала. Его взгляд скользнул по мне, по Тимуру, по тому, как далеко мы сидим друг от друга. Он не улыбнулся. Но и не нахмурился.

Руслан с Лизой вернулись за стол. Лиза выглядела счастливой — раскрасневшейся, с блестящими глазами. Руслан — уставшим, но спокойным.

— Вы где были? — спросила Лиза, не подозревая.

— Выходили подышать, — ответила я.

— Вдвоём? — она улыбнулась.

— Случайно встретились, — сказал Тимур.

Она не поверила, но промолчала. Руслан посмотрел на меня долгим взглядом — я покачала головой: не сейчас.

Финал вечера.

Через час гости начали разъезжаться.

Кто-то прощался громко, с поцелуями и обещаниями скоро увидеться. Кто-то — тихо, почти незаметно. Отец стоял у выхода, пожимал руки, улыбался, кивал.

Я сидела за столом и ждала, когда можно будет уехать.

Тимур молчал.

— Ты устала? — спросил он наконец.

— Я всегда устаю на таких мероприятиях, — ответила я.

— Я отвезу тебя домой.

— Не нужно. Я с отцом.

— Твой отец останется до конца, — сказал Тимур. — Ты же знаешь.

Я знала. Отец всегда задерживался — не любил упускать контроль.

— Я вызову такси, — сказала я.

— Нет, — он покачал головой. — Я отвезу. Я жених. Это моя обязанность.

Я смотрела на него. В его разноцветных глазах не было вызова. Не было угрозы. Было что-то другое — что-то, чему я не доверяла.

— Хорошо, — сказала я. — Отвези.

Он кивнул.

Мы поднялись. Отец заметил — кивнул, разрешая.

— Мелисса, — сказал он, когда мы подошли к выходу. —

Ты сегодня была на высоте.

— Спасибо, отец.

— Тимур, — он посмотрел на моего жениха. — Доставь её домой в целости.

— Не сомневайтесь, — ответил Тимур.

Мы вышли на улицу.

Чёрный автомобиль Тимура ждал у входа. Глеб открыл дверь, я села на заднее сиденье. Тимур — рядом.

Дверь закрылась. Мы остались вдвоём в полумраке салона. Тишина. Тяжёлая. Липкая. Смертельная.

Машина тронулась. Я смотрела в окно. Он смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд — не просто тяжёлый, а голодный. Бешеный. Как у пса, которого слишком долго держали на цепи.

— Ты сегодня много молчала, — сказал он. Голос — ровный, но я слышала: под ним клокочет.

— Мне нечего тебе сказать, — ответила я.

— А мне есть.

— Я не хочу слушать.

— А я хочу, чтобы ты слушала.

Он не схватил меня за подбородок. Он вцепился. Пальцами — в челюсть, сдавил так, что хрустнуло. Рванул к себе. Я ударилась затылком о его плечо. Звёздочки перед глазами.

— Слушай сюда, тварь, — прошипел он мне прямо в лицо. — Ты можешь строить из себя ледяную королеву сколько влезет. Можешь курить свой ментол. Можешь смотреть на

меня как на говно. Но ты — моя. Ты поняла? Моя. И я буду ломать тебя каждый день, пока ты не перестанешь дышать без моего разрешения.

— Отпусти, — сказала я. Голос не дрожал. Но внутри всё оборвалось.

— Не отпущу. — Он сжал сильнее. Челюсть заныла. Я почувствовала, что ещё чуть-чуть — и он вывихнет её.

Я ударила.

Не ладонью. Не кулаком. Головой. В его лицо. Переносицей — в его переносицу. Хруст. Боль вспыхнула ослепительно. У него из носа хлынула кровь — на моё платье, на его рубашку, на кожаное сиденье.

Он зарычал. Не отпустил. Наоборот — засмеялся. Кровь текла по губам, по подбородку, капала на меня.

— Сильно, — прохрипел он. — Сильно, сука. Ещё.

— Отвали, — прошипела я, выплёвывая кровь — своей губы я не чувствовала, кажется, он порвал её при ударе.

Он не отвалил. Он развернул меня. Вжал лицом в стекло. Одной рукой заломил мою руку за спину — так, что хрустнуло плечо. Второй — вцепился в волосы на затылке, дёрнул назад, заставляя смотреть в потолок.

— Ты думала, я забуду, как ты назвала меня слабаком? — прошептал он мне в ухо. — Думала, я прощу? Я каждую ночь это вспоминаю. Как ты размазала кровь по моим губам. Как смеялась мне в лицо. Я кончал на эту мысль, Мелисса. Кончал. С твоим именем на губах.

— Ты больной, — выдохнула я.

— Да, — согласился он. — И ты тоже. Ты тоже кончала на эту мысль. Я видел твои глаза. Ты хотела меня. Ты хочешь меня до сих пор.

Он впился зубами мне в шею — не как тогда, в уборной. Сильнее. Глубже. На разрыв. Я закричала — не от боли, от ярости. Дёрнулась. Он держал крепко.

Я ударила его затылком в лицо — снова. Он отшатнулся, но не отпустил. Только зарычал громче.

— Глеб, — крикнул он, не поворачивая головы. — Кружи по городу. Не останавливайся, пока я не скажу.

— Понял, — ответил тот из-за перегородки.

Машина ускорилаь.

Тимур навалился на меня всем телом. Вжал в дверь. Его колено раздвинуло мои ноги. Я чувствовала его возбуждение через ткань брюк. Он не скрывал. Не стеснялся.

— Чувствуешь? — прошептал он, касаясь губами моего уха. — Это ты. Ты делаешь это со мной. С первого дня. С того вечера в уборной. Ты сломала меня, Мелисса. Ты. И теперь я сломаю тебя.

— Отпусти, — повторила я. Но голос уже дрожал. Не от страха. От бешенства. От желания вцепиться ему в глотку зубами.

— Не отпущу, — он лизнул кровь на моей шее. — Никогда.

Я дёрнулась. Всею силой. Рванула зажатую руку — плечо

хрустнуло, пронзило болью, но я вырвалась. Развернулась к нему. Вцепилась пальцами ему в волосы — дёрнула назад, с такой силой, что он застонал.

— Ты думаешь, ты один тут сумасшедший? — прошипела я ему в лицо. — Ты думаешь, я боюсь тебя? Я с семи лет убиваю людей, Тимур. Я режу их, не моргнув глазом. Я слушала, как они молят о пощаде, и засыпала с улыбкой. Ты для меня — никто. Пока.

Он смотрел на меня. Кровь текла по его лицу — из носа, из разбитой губы. Глаза — разноцветные, бешеные.

— Возьми нож, — сказал он.

— Что?

— Возьми нож, — повторил он. Достал из внутреннего кармана пиджака свой клинок — тот самый, которым царапнул мою щеку. Протянул мне рукояткой вперёд. — Порезь меня. Я хочу чувствовать тебя. Не кровь на губах — я хочу, чтобы ты оставила след на моём теле. Чтобы я засыпал с болью, которую ты мне дала. И просыпался с ней. Чтобы она была единственным, что я чувствую, когда тебя нет рядом.

Я смотрела на клинок. На его безумные глаза. На кровь, которая капала на моё платье.

— Ты ненормальный, — прошептала я.

— А ты только что это поняла?

Я взяла нож.

Медленно. Не отводя от него взгляда.

Провела лезвием по его щеке — там же, где он оставил

шрам на моей. Не глубоко. Достаточно, чтобы выступила кровь.

Он закрыл глаза. Застонал. Не от боли — от удовольствия.

— Ещё, — прошептал он.

— Хватит, — сказала я, убирая нож.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты кончил раньше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.